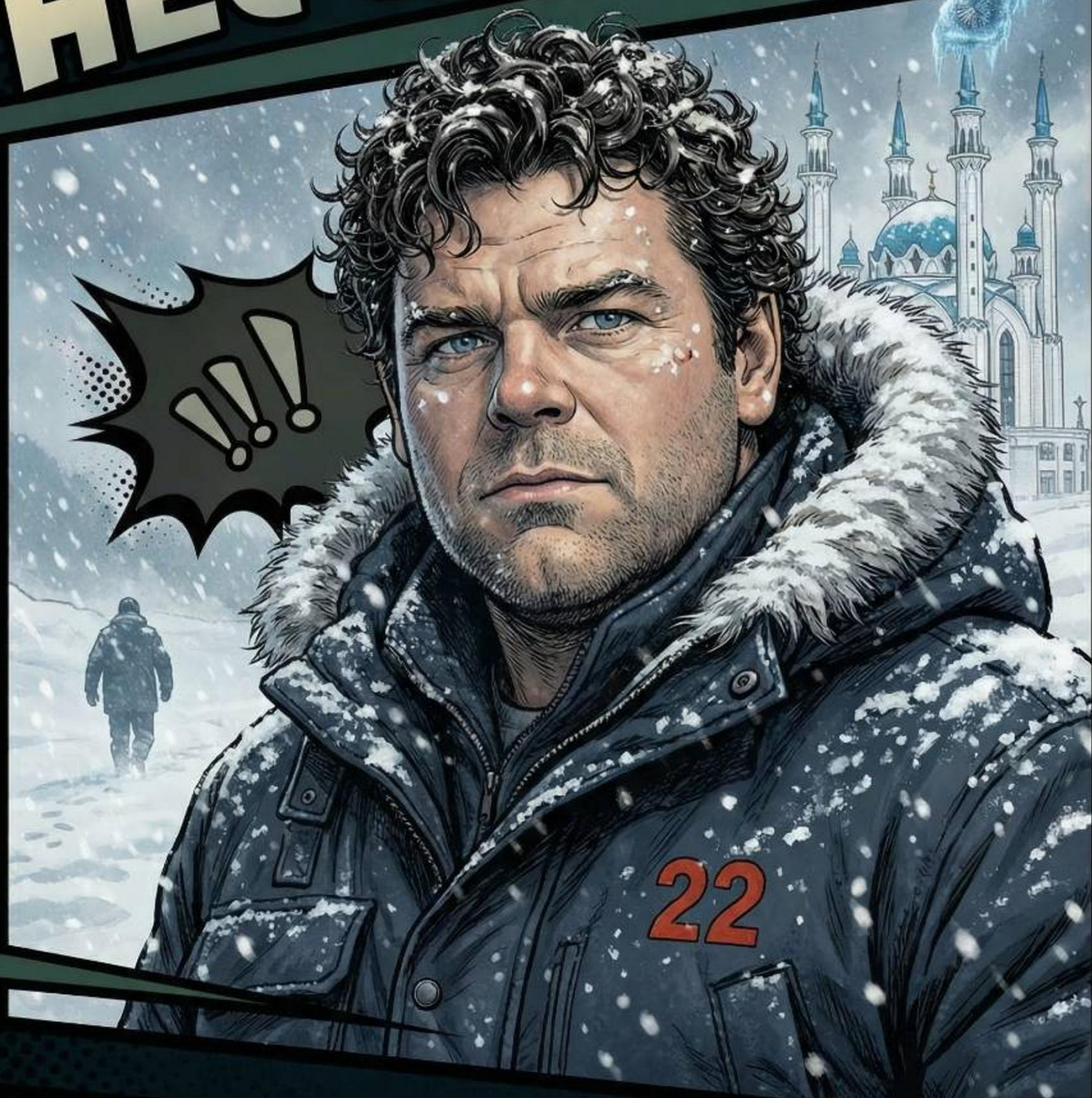

ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ

СУГРАЛИНОВ Д.
ФОНДА.

18+

Данияр Сугралинов

Двадцать два несчастья. Книга 7

«Автор»

«Автор»

2026

Сугралинов Д.

Двадцать два несчастья. Книга 7 / Д. Сугралинов — «Автор»,
«Автор», 2026

Как академик Епиходов мог подписать завещание, если он точно помнит, что ничего подобного отродясь не делал? А вот нотариус утверждает, что собственными глазами видел, как тот приходил оформлять. Нормальный, вменяемый, на своих ногах, еще и шутил при этом. Кажется, Серега скоро сойдет с ума, если не разберется с Ириной и этим странным завещанием. А тут еще в Морках все так закрутилось вокруг санатория, что где теперь найти время на аспирантуру — черт его знает. Примечания автора: Все описанные в книге медицинские ситуации, действия персонажей, комментарии о здоровье, питании и образе жизни представлены исключительно в художественных целях. Они не являются врачебными рекомендациями, не предназначены для самостоятельной диагностики или лечения и не заменяют консультацию квалифицированного специалиста. Перед применением любых методов, описанных в тексте, необходимо обращаться к врачу.

© Сугралинов Д., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Фонд А.

Двадцать два несчастья. Книга 7

Глава 1

— Привет, — услышал я в трубке до боли знакомый голос.

И чуть не обмер. Ирина!

Но обо всем по порядку. Утро началось с того, что я тщетно пытался поймать Пивасика, чтобы обработать его от блох. Вообще-то я его после возвращения уже обрабатывал, но по инструкции требовалось сделать это дважды. Пивасик вырывался, не давался, едко сквернословил и демонстрировал излишнее свободолобие. Валера тем временем бегал по полу и грозно мяукал, сопереживая пернатому собрату.

Наконец я сообразил схватить полотенце, аккуратно сбил мелкого засранца в полете, поймал вырывающуюся скотину, отбил ее от Валеры и все-таки обработал попугая от блох. Валера после этого бегал вокруг сидящего в своем гнезде, оскорбленного столь некуртуазным обращением Пивасика и сочувственно голосил: видно было, что он прекрасно помнит, как я обрабатывал его от лишая и как это больно.

Тут зазвонил телефон. Я только и успел, что вытереть руки полотенцем и не глядя схватить трубку, приняв вызов. Ну и вот, пожалуйста.

— Здравствуйте, — ответил я, сделав вид, что понятия не имею, кто это.

— Сергей Епиходов, правильно же? — спросила Ирина.

— Да, все верно.

— А я Ирина Епиходова. Вы же меня помните?

Голос ее засочился медовой патокой, растекаясь приторной сладостью, сквозь которую нет-нет да и пробивались ядовитые нотки.

— Ну как же, конечно, помню вас, Ирина, — ответил я, надеюсь, достаточно спокойным и уравновешенным голосом. — Что-то случилось?

— Да вот хотела увидеть тебя. Ты же в Москве? — спросила она, резко перейдя на ты.

— Нет, — коротко ответил я.

Сообщать, где именно работаю, я не собирался.

— Ну так ты же приедешь на следующей неделе в Москву, в аспирантуру, — произнесла она уверенным тоном. — Вот и встретимся. Я же тебе обещала свидание. Давай сходим в ресторан. Тут такое неплохое местечко открылось. Можем попробовать новую кухню. Как тебе итальянская?

— О, итальянская кухня! Это здорово, — пробормотал я, мучительно размышляя, что ей ответить и, главное, откуда она знает, что я через неделю еду в Москву. Кто слил информацию? Впрочем, с другой стороны, почему бы и не согласиться? По сути, мне все равно нужно было разобраться, что к чему. — Хорошо, Ирина. Давайте ближе к дате, когда поеду в Москву, я вам перезвоню, и мы согласуем графики. Пока не могу ничего определенного сказать, потому что не знаю конкретный день.

— Ну, ты уж как-нибудь порешай, порешай, — проворковала она. — Ладно, Епиходов, я жду твоего звонка.

И отключилась.

Она произнесла эти слова «Ладно, Епиходов» тем тоном, каким обычно говорила мне в прошлой жизни. И от этого ее до боли знакомого голоса я вздрогнул, а зубы свело, словно от холодного. Если честно, от всего этого я опешил. Посидел какое-то время, барабанил пальцами по столу и уставившись в одну точку.

Пивасик, видимо, решил, что переборщил с утренними воплями. Подлетел ко мне, сел рядом на спинку стула и сказал:

— Червяк, не плачь.

— Да вот, — печально ответил я ему, — проблемы у меня.

Пивасик посмотрел на меня жалостливо, склонил голову к плечу и запел «Матушка-земля» почему-то голосом Татьяны Булановой. На повторении второго куплета я не выдержал и сказал:

— Все! Заглохни, суслик, и не мешай мне думать.

Пивасик понял, кивнул и перелетел обратно. Валера тоже перестал голосить. А я наконец сообразил, что делать, и позвонил Караяннису.

— Да, Сергей, слушаю тебя.

Бодрый голос адвоката немного встряхнул меня.

— Что ты хотел? — нетерпеливо спросил он. — Я сейчас занят, две минуты для тебя найдется, но не больше.

— Мне звонила Ирина. Только что.

— Какая Ирина? Погоди... Епиходова, что ли?

— Да, Ирина Епиходова, вдова моего бывшего руководителя, — пояснил я.

— О как! — сказал Караяннис.

Так как телефон стоял на громкой связи, Пивасик со своего насеста радостно выкрикнул:

— О как!

— Это кто там у тебя? — возмутился Караяннис, который все прекрасно расслышал.

— Да попугай мой, Пивасик.

— Хорошо тебе, Сергей, в деревне живешь: свежий воздух, парное молоко, попугаев вон разводишь. А я тут с местным зоопарком бодаюсь. Опять злоупотребления по поводу жирафов.

— Ничего себе, — пробормотал я.

— То наука, то зоопарки, то заповедники, постоянно какие-то движняки, — притворно вздохнул Караяннис. — И тут такое дело. Послушай, Сергей. Значит так: мой человек еще раз сходил к этому Чемоданникову, товарищу академика Епиходова. Надо было дополнительно пообщаться. А потом мы взяли его завещание и подали на экспертизу. И вот что интересно: завещание было подписано рукой Епиходова. То есть старик перед смертью реально его подписал.

От неожиданности я икнул, и трубка чуть не выпала у меня из рук.

— Да нет, не может такого быть!

— А я тебе говорю: может! — рассердился Караяннис. — Я этого эксперта лично знаю. Профессионал высшей квалификации, доктор наук, между прочим. У него в лаборатории все жестко. Репутация потому что. Более того, ты будешь смеяться, но мой человек сходил к нотариусу, который это завещание зарегистрировал. Так вот, нотариус утверждает, что Епиходов лично пришел к нему, на своих ногах. Абсолютно вменяемый. Смеялся, шутил, какие-то дурацкие анекдоты рассказывал, словом, был в приподнятом настроении. И все это заверено в двух экземплярах, как положено.

— О как, — только и пробормотал я.

— О как! — моментально повторил Пивасик.

Караяннис распрощался со мной и отключился. А я, окончательно обалдев, сидел в комнате и пытался переварить услышанное. Потому что ни к какому нотариусу я не ходил, не говоря уже о том, чтобы рассказывать кому-то дурацкие анекдоты. Вот если бы речь шла о митохондриальной дисфункции, было бы ближе к правде...

Время поджимало: я и без того практически опоздал на работу, но сегодня был мой день в Чукше, поэтому накануне договорился с Венерой, что приеду позже. Хотя на всякий случай написал об этом официальное заявление и уведомил Александру Ивановну. Сначала она не

поняла, но я объяснил, что мне необходимо зайти в администрацию и забрать выписку из протокола, подтверждающую мое право оставаться на работе.

Она скривила губы, однако спорить со мной после всего, что произошло, не стала. Вообще, после того собрания она была подчеркнута официально и даже отчасти мила. Ачиков держался на дистанции, все остальные в больнице относились ко мне демонстративно дружелюбно, и, признаться, такая атмосфера меня не особо напрягала.

Поэтому я торопливо собрался, наказал ребятишкам вести себя хорошо, Пивасика назначил старшим, а сам побежал в администрацию.

— Стройся! — раскомандовался попугай, когда я покидал дом. — На первый-второй рассчитайся!

— Не искушай, орел, без нужды, — известной фразой ответил ему я и убежал.

Здание администрации встретило привычной чиновничьей суетой: мелкие клерки и чиновники с очень занятым видом торопливо бегали туда-сюда, словно трудолюбивые муравьи, бережно прижимая к груди папки с документами. Впрочем, я уже знал, где находится кабинет главы, поэтому напрямиком направился туда.

В приемной сидела давешняя Танечка в ярко-алом платье, которое ей необычайно шло. При виде меня она негостеприимно посмотрела и неодобрительно поджала губы.

— Здравствуйте, — сказал я ей. — К Юрию Дмитриевичу можно?

— Юрий Дмитриевич занят, — поджала она губы еще сильнее. — У вас что, разве назначено?

Я завис. Неужели у главы райадминистрации настолько плотный график, что нужно записываться заранее? Хотя, с другой стороны, времена меняются, может, уже и так.

— Нет, не записан, — покачал головой я. — А что, к нему нужно записаться?

И тут открылась дверь. Юрий Дмитриевич вышел из кабинета и, не обращая на меня никакого внимания, обратился к секретарше:

— Танечка, принеси мне чай, как обычно, с двумя ломтиками лимона и без сахара.

— Здравствуйте, Юрий Дмитриевич, — сказал я.

Тогда он мельком посмотрел на меня, узнал — и взгляд его приобрел твердость.

— Здравствуйте, Сергей Николаевич. Вы ко мне?

— Да, но вот Татьяна говорит, что к вам нужно по записи. Я хотел уточнить, на когда можно записаться?

— А по какому вопросу? — осторожно спросил он.

— По поводу вчерашнего заседания, — неопределенно ответил я.

— Так, у меня есть примерно десять минут. — Он деловито взглянул на часы. — Потом у нас начнется антикоррупционный ВКС с Йошкар-Олой. Так что, если уложите, заходите. Таня мне делает чай, вам тоже?

— Нет-нет, спасибо, — сказал я и добавил: — Я уложусь.

Он провел меня в кабинет, сам тяжело уселся за стол и покрутил головой.

— Тяжела ты, шапка Мономаха, — вздохнул он. — Столько работы, не знаю, что и делать, за что хвататься. Эти законы меняются каждые три дня, не успеваешь отчеты наверх слать.

Затем он внимательно посмотрел на меня.

— По какому вопросу вы хотели поговорить, Сергей Николаевич? Протокол посмотреть или выписку забрать? Появились вопросы по заседанию?

— Это само собой, — отмахнулся я. — Выписку я могу и у Тани взять. У меня другой вопрос, точнее, целая проблематика. Я сейчас попытаюсь быстренько обрисовать, а вы скажите, пожалуйста, свое видение. Чтобы я, как чужак, не нарушил какие-то расстановки в районе, которые здесь уже традиционно существуют.

— Ну, вы уже и так много чего нарушили, — хмыкнул он беззлобно, скорее, чтобы обозначить факт.

Я пожал плечами и развел руками:

— Всего лишь выполнял свою работу.

Юрий Дмитриевич не стал акцентировать внимание на нюансах с нарушившим эпидрежим попугаем и кивнул.

— Слушаю вас, Сергей Николаевич.

Тут как раз открылась дверь и вошла Танечка, которая с торжественным видом несла чашку с чаем и блюдец с двумя ломтиками лимона.

— Ваш чай, — прошелестела она и зыркнула на Юрия Дмитриевича таким исполненным вожделения взглядом, что я невольно смутился и почему-то вспомнил про Венеру.

В последнюю встречу я на своей новой машине подвез ее к амбулатории, и она посмотрела на меня, явно ожидая какой-нибудь инициативы. Впрочем, понятно, что не «какой-нибудь», а вполне определенной.

Организм, разумеется, был обеими руками за. Больше месяца без женщины — для относительно молодого тела это, мягко говоря, перебор. И дело тут даже не в удовольствии, а в банальной физиологии: длительное воздержание для мужчины в расцвете сил вещь бесполезная, это я как врач говорю совершенно ответственно. Решать проблему, скажем так, подручными средствами не хотелось — паллиатив, да и вообще не мой стиль. По-хорошему, нужна была нормальная женщина, желательна постоянная, с которой все взаимно.

Но Венера на эту роль при всей ее привлекательности сейчас не годилась. С одной стороны на нее давит брат, с другой — нет нормальной работы, жизнь не устроена, внутри все тревожно. Лезть к женщине, которая стоит на шатком полу, — значит, по сути, воспользоваться тем, что ей плохо. К тому же где гарантия, что ее небольшая влюбленность не трансформированная благодарность? Когда кто-то впервые за долгое время проявляет к тебе нормальное человеческое участие, эти два чувства путаются на раз.

Тем более что сношать все, что шевелится, — это совершенно точно не про меня. Так что оставалось ждать и надеяться, что подходящий вариант появится сам. А с Венерой — пусть пройдет время. Вот встанет на ноги — и посмотрим.

Усилим воли отогнав от себя мысли о Венере, я вернулся к разговору. Юрий Дмитриевич как раз отхлебнул чаю, бросив в чашку оба ломтика лимона и слегка потыкав их ложечкой, и вопросительно посмотрел на меня.

— Так о чем вы хотели поговорить?

— Видите ли, Юрий Дмитриевич, я поступил в аспирантуру.

— Поздравляю, — вежливо сказал он.

— Спасибо, — так же вежливо ответил я и продолжил: — Аспирантура в Москве. Я вхожу в научную школу Сергея Николаевича Епиходова.

— О, у вас уже своя научная школа есть? — поднял он на меня удивленные глаза и чуть не поперхнулся чаем.

— Нет-нет, не моя, а академика Епиходова, Сергея Николаевича. Он, когда на конференции услышал мой доклад и узнал, что я его полный тезка, сразу взял меня в ученики. К сожалению, сейчас он уже умер, но его передовые методики, те технологии, по которым он занимался реабилитацией людей, должны жить и внедряться.

— Подождите-подождите, у меня голова кругом, — замахал руками Юрий Дмитриевич. — Я-то тут при чем?

— Так вот, мне для аспирантуры нужна характеристика с места работы в сельской местности, поэтому я и попросил, чтобы мне дали возможность поработать немного здесь.

Юрий Дмитриевич кивнул. Как прожженный чиновник, он прекрасно понимал такие дела. А я продолжил:

— И вот, работая здесь, я обнаружил неподалеку от Морков старый заброшенный санаторий.

Я сделал паузу и посмотрел на Юрия Дмитриевича.

Тот продолжал пить чай, не поднимая на меня взгляда, но на его лицо набежала тень.

— Я осматривал пациентку во время дежурства на выезде, — объяснил я. — Она как раз была на территории санатория, работает там. Так как женщина пожилая, чтобы не гонять ее туда-сюда, мы поехали сами, и я заодно посмотрел, что там происходит. Попробовал воду, осмотрел все. И вот что скажу вам, Юрий Дмитриевич: если есть такая возможность, я готов вложиться в этот санаторий и сделать на его базе, точнее, на базе того, что от него осталось, небольшой реабилитационный центр. Смотрите, это даст, во-первых, рабочие места для жителей Моркинского района. У вас много высококлассных медицинских работников разной квалификации, которые после закрытия санатория остались не у дел или работают на каких-то подсобных работах. Кроме того, я мог бы привлечь ряд специалистов из Казани, у меня там знакомые остались, а также нескольких ученых из Москвы. И на этой базе можно было бы сделать хороший реабилитационный центр, который прогремел бы на всю страну, что Моркинскому району и вам, как его главе, даст неплохие преференции.

Я сделал паузу, чтобы набрать воздуха, и Юрий Дмитриевич тут же вклинился:

— Вы понимаете, это все хорошо, но тут есть несколько моментов.

— Слушаю вас, — сказал я.

— Первый и самый существенный — это ФЗ номер тридцать три.

Я поморщился.

— Что-то не припомню.

— Федеральный закон номер тридцать три «Об особо охраняемых природных территориях». Лечебно-оздоровительные местности и курорты оттуда выбросили, но территория, на которой располагается санаторий, относится к памятнику природы и является государственной собственностью.

Он посмотрел на меня. Я покачал головой.

— Насколько мне известно, — сказал я, припоминая, — в праве муниципалитета, как субъекта РФ, добиться того, чтобы там провели зонирование и перевели такой памятник природы на муниципальный уровень, потому что особо охраняемые природные территории бывают и местного значения. Это я знаю точно, в законе есть такой пункт. И если так, то, в принципе, есть возможность взять здание хотя бы в аренду...

— Это можно, а вот ресурсы... — прищурился Юрий Дмитриевич.

Я покачал головой.

— Существует достаточно много частных санаториев, и далеко не все они этим законом связаны по рукам и ногам.

— Да нет же, разных ухищрений хватает, — хмыкнул Юрий Дмитриевич. — Например, если мы изымаем из сети особо охраняемых природных территорий какую-то одну, сможем выделить ее в другом месте. А у нас, кстати, сейчас реализуется проект «Кюсото». Он направлен на то, чтобы кюсото, то есть священные рощи марийцев, выделить как особо охраняемые территории со статусом «памятник природы». Так что территориально по площади это получится один к одному, и вполне даже можно махнуть, не нарушив размеров экологической сети. Я не вижу здесь особых сложностей. А жители района за вас так горой стоят, что общественные слушания пройдут на ура.

— А что тогда? В чем проблема? — посмотрел я на него.

— Проблема в том, что этим санаторием заинтересовались не только вы, — тихо сказал Юрий Дмитриевич и многозначительно посмотрел на меня.

Я помрачнел.

— Могу я узнать, кто именно и что они планируют? Может, мой проект окажется более эффективным и даст именно для вас больший выхлоп, — посмотрел я на него. — Плюс доход для района, для Морков. Мне кажется, это достаточно весомый аргумент.

— Так-то оно так, — махнул рукой Юрий Дмитриевич и сердито отставил чашку. — Но там такие люди, что с ними особо не договоришься.

— Вы скажите, что за люди, по-тихому, а уж я договорюсь.

— Да видел я, как вы умеете договариваться, — саркастически хмыкнул Юрий Дмитриевич. — Наши чуть-чуть казанских не побили, а те оказались вашими друзьями.

— Ну вот, тем более, — развел руками я. — Так что думаю, если вы поддержите мой проект, получите хорошие преференции. В том числе и материальные. Я вам это обещаю. А с конкурентами уже сам буду разбираться. В конце концов, — добавил я, — мы всегда можем войти в дело пятьдесят на пятьдесят или в каком-то другом соотношении.

— Ох, нет, знаю я этих людей. Им протяни палец, они всю руку откусят. Никакого процентного соотношения с ними уж точно не получится.

— Буду иметь в виду, — кивнул я.

На моих глазах рушилась хорошая идея с санаторием.

— Тогда, — сказал я, поднимаясь, — не буду вас задерживать, Юрий Дмитриевич, у вас до начала ВКС почти не осталось времени. Что ж, хоть жители за меня и заступились, но я отработаю-таки эти две недели, а потом поеду искать другое место, чтобы реализовать свои идеи. Потому что твердо решил, чтобы буду воплощать в жизнь методики академика Епиходова и помогать людям.

Юрий Дмитриевич нахмурился, а я продолжил давить:

— И думаю, что таких заброшенных санаториев или усадеб по нашей стране найдется немало. Что-нибудь да подберу. В конце концов, можно найти место в какой-нибудь деревне и заново все отстроить, что будет, пожалуй, даже лучше. Спасибо вам за разговор, Юрий Дмитриевич.

— Подождите-подождите, — торопливо сказал чиновник и нахмурился, явно приняв какое-то решение. Помедлив секунду, он взял листочек и торопливо нацарапал на нем имя. — Вот.

Он показал мне листочек, на секунду задержал его перед моими глазами, а затем разорвал на мелкие клочки, примерно по несколько миллиметров каждый, и бросил в мусорную корзину.

— Понятно? — Он красноречиво посмотрел на меня.

— Да. Спасибо, Юрий Дмитриевич.

— А вот когда решите этот вопрос, тогда и подходите, начнем заниматься землей. Но только после этого. Не раньше!

Он встал и проводил меня до дверей кабинета. Когда я вышел в приемную, Танечка удивленно уставилась на эту картину: видимо, нечасто глава администрации лично провожал местных врачей. Юрий Дмитриевич тем временем сказал:

— Таня, сделай, пожалуйста, выписку из протокола для Сергея Николаевича, и чем быстрее, тем лучше.

— Хорошо-хорошо, — зашебетала она и посмотрела на меня уже совершенно другим взглядом, уважительным.

Я вышел из здания администрации в некотором смятении. С одной стороны, хорошо, что глава поддержал мою позицию. С другой — кто эти таинственные конкуренты, которые тоже претендуют на санаторий? И разбираться с этим вопросом предстояло в первую очередь.

Пока я обдумывал, как и с чего начать, позвонила Венера. Голос у нее был изрядно напуганный.

— Сергей Николаевич! — воскликнула она. — Когда вы будете на работе?

— Только вышел из здания администрации, — ответил я. — Сейчас зайду домой, переоденусь, потому что ходил в администрацию в парадном костюме и туфлях, и сразу приеду.

— Поторопитесь, пожалуйста, — попросила она взволнованным голосом.

- А что такое? Что случилось? — забеспокоился я.
- Да там так...
- Венера, говорите прямо.
- Тимофей...
- Что Тимофей?
- Он устроил в доме оргию!
- И, зарыдав, отключилась.

Глава 2

Первым моим побуждением было прямо отсюда, от здания администрации, рвануть в Чукшу. Но я этот порыв задавил мощным усилием воли. Что с того, что я пробегу в хорошем костюме, в белой рубашке и туфлях на тонкой подошве все то ли семь, то ли одиннадцать километров до Чукши? Тем более зачем пешком, если дома есть машина? Во-первых, обязательно заболēju, во-вторых, какие потом будут эти туфли, непонятно. Если Тимофеем устроил оргию, то она продолжается уже давно, и за каких-то дополнительных пятнадцать–двадцать минут уж точно не закончится.

Поэтому я спокойно вернулся домой, быстренько переоделся, задал корму Пивасику и Валере, велел им вести себя хорошо, а сам отправился в Чукшу.

Доехав, припарковал «Паджеро» у амбулатории, чем вызвал ажиотаж среди местных, и сразу же зашел в амбулаторию, чтобы посмотреть, что происходит, и оценить обстановку. Венера сидела за столом и рыдала, уткнувшись лицом в ладони.

— Венера Эдуардовна, — сказал я. — Здравствуйте. Извините, что опоздал, но раньше никак не мог. Был в администрации. Что тут происходит? Что случилось?

Она всхлипнула и попыталась что-то сказать, но слезы не дали. Я набрал стакан воды и поставил перед ней.

— Венера Эдуардовна, — тихо, но настойчиво сказал я, — успокойтесь и возьмите себя в руки. Давайте выпейте воды, хорошо продышитесь, а потом мы с вами поговорим.

Она опять что-то порывалась мне сказать, но тщетно.

— Тише, тише, — успокаивающе ответил я. — Пара минут ничего не изменит. Сейчас мы разберемся, и все будет хорошо. Я вам это обещаю. Вы меня слышите?

Венера кивнула и, схватив стакан, судорожно начала пить, стуча зубами о стеклянные стенки.

— Не торопитесь, делайте маленькие глотки, — посоветовал я.

Она допила.

— А теперь, пожалуйста, сделайте глубокий вдох, затем задержите дыхание и выдох. Четыре, семь, восемь. И так несколько раз. Повторяйте за мной. Давайте вместе.

Мы с ней сделали несколько циклов. И когда Венера уже почти успокоилась, я сказал:

— Вам валерьянки, может, накапать?

— Не надо, — выдохнула она, утирая глаза, затем посмотрела на меня и произнесла: — Одна секунда. Я сейчас...

И пулей выскочила из кабинета. Я сначала не понял, а потом услышал, как она умывается в уборной и сморкается, и понял, что ей просто неудобно было передо мной это делать. Буквально через минуту Венера вернулась. Ничто уже не говорило о том, что она только что пережила такой стресс, лишь чуть покрасневшие глаза да кончик носа выдавали ее состояние.

— Давайте теперь поговорим. Что случилось?

— Да мне позвонила соседка Клавдия, — горько начала она свой рассказ, усаживаясь на стул. — Тимофеем, оказывается, еще с вечера вызвал друзей. Они сначала пили тихо, а под утро совсем разбушевались. Говорят, там драка ужасная была, окно разбили, кто-то вылетел оттуда. Соседи хотели вызвать Стаса, чтоб тот пришел разбираться, но сначала позвонили мне, а я уже вам. Не знаю, что там сейчас происходит. Попросила соседей не привлекать Стаса. Просто понимаете, если он вызовет наряд из Морков, даже не представляю, что потом будет!

Она опять приготовилась всхлипнуть.

— Я сейчас схожу туда и все проверю, — сказал я.

— Нет! Их же там может быть много! Соседи сказали, что там еще какие-то мужики пришли. Могут вас побить.

— Не побьют.

Развернувшись, я вышел на улицу.

— Сергей Николаевич, откуда такой танк добыл? — спросил меня какой-то местный дед, окруженный знакомыми и не очень людьми. Все с жадным любопытством буравили меня взглядами — вчера, видимо, еще подметили, когда я подвозил Венеру.

— Добрые люди дали покататься, — размыто ответил я.

— Это не те, что тебя убивать приезжали? — поинтересовался дед.

Чуть не заржав, я кивнул:

— Они самые!

Избегая дальнейших расспросов, я пошел в сторону дома Венеры, а за спиной было слышно, как дед авторитетно объясняет остальным, что казанские сдали назад и в возмещение морального ущерба «нашему доктору Николаичу оставили свой танк».

Венера, невзирая на то, что я просил этого не делать: торопливо натянула куртку и выско-чила следом. До ее дома мы дошли буквально за две минуты, провожаемые любопытными взглядами деревенских жителей.

И действительно, там явно была оргия. Музыка шпарила на всю громкость, и звуки блат-ной песни слышались аж от самого центра Чукши.

— Весело тут у них, — мрачно заметил я.

Венера ничего не ответила, только сильнее нахмурилась. Мы вошли во двор. Собака испуганно сидела в будке и только высунула голову. Увидев нас, она тоненько взвизгнула и поползла навстречу на животе.

— Тише, малышка, тише, — сказала Венера и потрепала ее по голове. — Все хорошо. Я уже тут.

Видимо, собаку или ударили, или пнули, потому что она была совсем перепуганная и постоянно поскуливала. Мы вошли в дом.

Сперва по ушам ударил звук музыки, да так, что вообще ничего не было слышно. Следом накрыл запах, точнее, мощная какофония перегара от низкосортного спиртного, дыма деше-вых сигарет и вони какой-то прокисшей дрянной еды. Но все это перекрывал едкий запах мочи и блевотины. Меня аж передернуло. Сизая завеса от курева была столь густой, что я почув-ствовал себя ежиком в тумане, двигаться можно было буквально на ощупь.

Я включил свет и обнаружил ноутбук с подключенными колонками, из которых и фига-чила эта адская музыка. Первое, что я сделал, — вырубил все к чертовой матери.

— Венера Эдуардовна, откройте окна, — велел я, стараясь дышать через раз.

Вошел в комнату и увидел отвратительное зрелище. Там вповалку на диване и на полу лежали полуголые пьяные мужики, их было четверо, и две такие же бабы. Тимофей был среди них самый трезвый. Он сидел перед полупустой бутылкой за грязным, усыпанным окурками столом и уже пил сам с собой, разговаривая с водкой за неимением других собеседников.

— И вот она, такая шалава, эта Венерка, — заплетающимся языком жаловался он, — нашла этого идиота... который хочет забрать у меня инвалидность. Сука... я ее урою, как только придет...

Он с таким злом выговаривал бутылке, что я, честно говоря, побоялся, что, когда Венера попадется ему на глаза, ничем хорошим это не закончится. Подойдя к окну, я открыл его и впустил свежий воздух. Тимофей поднял на меня мутный взгляд.

— Это ты! — зарычал он и сделал попытку броситься на меня, но не привыкшие к физи-ческому напряжению мышцы ног не послушались, и он завалился на пол вместе со стулом.

Я взял со стола чашку, наполнил ее водой и вылил ему на лицо.

— Приди в себя, — сказал я и выглянул в коридор. — Венера Эдуардовна, давайте быстро за Стасом!

Она кивнула, жалобно всхлипнув, и выскочила из дома вон. Я тем временем схватил Тимофея за шиворот и вздернул его на стул, а затем сильно потер ему уши: пьяным это позволяет мгновенно прийти в себя. Тимофей открыл глаза и уставился на меня мутным взглядом.

— Ты... — с усилием прохрипел он, закашлялся, и ниточка слюны повисла на его подбородке.

— Значит так, инвалид, — хмыкнул я. — Сейчас мы вызовем участкового, составим акт про твою инвалидность, и только ты ее и видел.

— Я хозяин в этом доме, что хочу, то и делаю! — внезапно выдал тираду Тимофей, затем его подбородок упал на грудь, и он раскатисто захрапел.

Тем временем я более внимательно оглядел человеческое скопище и среди двух дам, которые явно были приглашены, дабы украсить мужской коллектив, вдруг обнаружил Райку.

— О как! — сказал я, стоя над ней. — Вот, значит, как, Раиса Васильевна? И еще ребенка хочешь забрать, дура? Витьку мы закрыли, а толку? Все равно друзей себе таких же нашла.

Я разочарованно покачал головой. Райка мне не ответила в связи с тем, что находилась в полубессознательном состоянии и могла в данный момент только огорченно попукивать.

Буквально через несколько минут прибежал Стас.

— Ну что? — громко сказал он от порога, давая знать, что прибыл, а затем зашел в дом. — Что там?

— Да вот, — сказал я, гостеприимно махнув рукой, — люди культурно отдыхают.

— У-у-у-у, — нахмурился он. — Да уж. Весело ребята время проводят.

— А что это за контингент? — спросил я. — Я из них только одну Раису Васильевну знаю.

— О, и она тут отметилась? — рассердился Стас. — Я тут Витьку всеми правдами и неправдами удерживаю, а она, значит, уже новую компанию себе нашла.

— Вот такой она суслик-любовь, — неодобрительно сказал я. — И вот как через три дня Борьку ей возвращать? Куда его? Дома у нее, небось, такое же все?

Стас тоже вздохнул и укоризненно покачал головой:

— В распределитель только если...

— Да, жалко, — сказал я. — Он же так ждет мать, а она вот как развлекается. Конченный она человек, даже не знаю, что еще и сказать.

— И что с ними делать? — спросил почему-то у меня Стас.

— Как что? Надо их закрывать, — ответил я. — Это же нарушение общественного порядка. Соседи пожаловались. Все, повод официальный есть.

— Блин, — скривился Стас. — Так у меня скоро вместо КПЗ будет вытрезвитель. Этот Витек меня уже до такой степени задолбал, что я прям в шоке. А тут еще эти звезды. А их же еще и кормить, между прочим, надо.

Я развел руками:

— Ничем помочь тут не могу.

— Блин, облюют же все КПЗ, а мне опять там мыть придется, — продолжал нагнетать огорченный Стас.

— Райка помоеет, — отмахнулся я.

— Ну, тогда да. Но что с ними делать? — закручинился Стас. — Вот оно мне надо?

— Давай мы сейчас их вдвоем перетащим, — предложил я.

— Да нет, не надо. Я мужиков лучше кликну. Все нормально будет, машину подгоним и перевезем.

— Отлично, — сказал я и оглянулся на Венеру, которая топталась рядышком. — А вас, Венера Эдуардовна, я отпускаю на сегодня. Можете немного привести здесь все в порядок. Хотя сами решайте. Я бы на вашем месте просто собрал вещи и ушел. Пожили бы еще какое-то время в амбулатории, а потом просто переехали или к нам в санаторий, или же сразу в Морки.

Она посмотрела на разруху в доме, и слезы выступили на ее глазах.

— Нет, я сначала хоть немножко тут приберусь, — покачала головой она. — И окно на веранде застеклить надо. Или хоть дощечкой какой-то забить. Соседа попрошу. Ничего, что в рабочее время?

— Да, да, я же сказал, что отпускаю, Венера Эдуардовна. Я буду в амбулатории, если что, сам все сделаю. Не беспокойтесь.

Когда алкашню погрузили и увезли, я вернулся в амбулаторию. Венера осталась отмывать дом: все-таки она не могла даже мысли допустить о том, чтобы оставить подобный бардак. Хотя я считал, что можно и оставить, как воспитательный момент для Тимофея. Вот пусть он протрезвеет, придет в этот срach и дальше живет, как хочет. А, с другой стороны, ну, хочется ей убрать — пусть. Может, хоть так успокоится. Правда, она потом уедет, а он все равно превратит это все в бедлам. По-моему, его дорожка уже понятна.

Пока Венера не вернулась, я просидел полдня в одиночестве. Как-то так получилось, что пациентов не было, и я занимался тем, что набрасывал программу исследований для аспирантуры, чтобы привезти с собой и показать Борьке... то есть Борису Альбертовичу, моему бывшему ученику и будущему научному руководителю в едином лице. Поэтому провел время довольно продуктивно и был абсолютно доволен. Настроение поднялось, я разве что не мурлыкал себе под нос, как Валера.

Венера пришла и тяжело опустилась на стул. Выглядела она не очень: расстроенная, уставшая, с покрасневшими от моющих средств руками.

— Венера Эдуардовна, а давайте я сделаю чай, и мы с вами попьем? — предложил я.

Она рассеянно кивнула, продолжая сидеть и пялиться в одну точку. Я пошел и поставил чайник. Пока он вскипал, нашел заварку, вытащил из шкафчика пакетик с травами, которые принес, для того чтобы добавлять в чай. Там были и лист малины, и ромашка, и мелисса — все то, чем можно мягко успокоить расшатанные нервы. Заварил крепкий чай, налил в чашку и добавил туда целых две ложки сахара. Может, слишком сладко, но Венере сейчас не помешает преодолеть упадок сил: после сильного стресса глюкоза расходуется мгновенно, организм требует быстрого восполнения.

— Венера Эдуардовна, идемте пить чай, — сказал я.

Она встала и пошла за мной, двигаясь словно марионетка, села в кресло, и я поставил перед ней чашку.

— Пейте, — сказал я.

Она смотрела на стол и явно не понимала, что надо делать.

— Венера Эдуардовна, — я чуть нажал голосом, — возьмите чашку в руки и сделайте глоток. Только осторожно, чай горячий.

Она механически кивнула и начала пить. Сначала потихоньку, потом припала к чашке и жадно, большими глотками осушила почти всю.

— Еще? — спросил я.

— Угу, — сказала она, потом посмотрела на меня уже более осмысленно и добавила: — Только лимончик тоже положите.

Лимончики были слабостью Венеры, всегда у нее лежали нарезанные на тарелочке. Она и воду пила с лимоном, и чай с лимоном, даже кофе и то пила с лимоном. Поэтому я сделал ей заново чай и бросил туда две дольки, как у Юрия Дмитриевича. Видимо, моркинцы такое любят.

— Ну что? — сказал я. — Прибрались дома?

— Да, — ответила Венера и тяжело вздохнула.

— Это хорошо, — сказал я. — Но вот что за состояние духа у вас? Вы же боец, Венера Эдуардовна! А ну-ка соберитесь!

— Да, я что-то совсем расстроилась, — вздохнула она. — Как-то не думала, что Тимофей вот на такое способен.

— Почему не думали? Здоровый лоб, причем абсолютно здоровый, сидит целыми днями дома. Конечно, ему скучно. А когда возникла реальная угроза, что лафа вот-вот закончится, он стрессанул. Позвал дружбанов, чтобы советов надавали, и они забухали. А вы что, думаете, он, когда вы на работе, не приглашал никаких дружбанов и подружек?

— Ну, я что-то такое замечала, — покраснела Венера и отвела взгляд. Стопроцентно замечала.

— И явно вы эти вопросы обходили стороной, — предположил я.

Она виновато вздохнула и ничего не ответила.

— Ну вот он и обнаглел. Что тут удивительного? Все логично. Привык себя королем чувствовать.

Венера машинально закинула в рот кусочек лимона и сжевала, даже не скривившись.

— Вы не переживайте так, Венера Эдуардовна. Еще раз повторяю, что заберу вас отсюда. Уже скоро. Самое большее пройдет две недели, и вас здесь не будет. Пока же можете пожить в амбулатории. А если вас это не устраивает, могу предложить свой дом, который снимаю в Морках.

— Да вы что? — Она аж дернулась, и глаза ее стали как чайные блюдца. — Как же так? Что люди скажут?!

— Нет, нет, я не предлагаю вам идти жить ко мне, — усмехнулся я. — У меня там на территории есть еще летняя кухня. Более того, через две недели как раз приедет моя дальняя родственница, тетя Нина, которая будет проживать в доме. И вы могли бы спокойно пожить с ней, а я буду в летней кухне. Попрошу Анатолия привезти еще одну кровать, так что вам будет нормально.

— Да нет, мне и в амбулатории хорошо. Просто беспокоюсь, что Тимофей может прийти, вломиться и подраться с вами.

— Подраться? — скептически спросил я, подняв бровь. — Наш смертельно больной и лежачий инвалид Тимофей?

Венера огорченно вздохнула, а я постарался ее успокоить:

— Я попрошу Стаса, чтобы он их пятнадцать суток подержал за нарушение общественного порядка, и это время вы как раз поживете в амбулатории. А потом мы вас отсюда заберем.

— А если у вас ничего не получится с санаторием? — посмотрела на меня Венера. — Такое же тоже может быть.

— Может, — не стал обманывать я. — Но я сегодня был в администрации, вроде они препятствий чинить не будут.

Венера вспыхнула радостно, а я пояснил:

— Во всяком случае, позиция у них довольно положительная. Но есть там определенные моменты. В любом случае, Венера Эдуардовна, если уж совсем ничего не получится, отвезу вас в Казань. Обещаю. Я все равно сейчас уеду в Москву, так что моя квартира там останется пустой. Вы поживете, устроитесь в больницу, я попрошу своих знакомых, чтобы вас взяли. Вот и нормально встанете на ноги. А потом уже, когда вам станет легче, сами будете снимать квартиру, решать с работой и все остальное.

— Спасибо, — несмело вспыхнула она.

— Так что вы не кручиньтесь, Венера Эдуардовна. Все будет у вас хорошо. Но я бы, конечно, хотел все-таки с санаторием решить вопрос. К сожалению, не все так просто.

— А что там не просто? — спросила она.

— Да вот мне как бы намекнули, что есть какие-то люди, которые положили глаз на этот объект, — сказал я. — Вам говорит что-то фамилия Косолапов?

— Так это же Пашка, — удивленно сказала она. — Конечно говорит.

— А что за Пашка такой? — не понял я.

— Ну, такой он... толстый, живет в Морках на Озерной улице, у него еще дом красный, большой, и на заборе цветы нарисованы, с загогулинами.

Я сразу вспомнил колобка Пашку, который боялся мерить давление.

— Это тот, у которого жена такая же, тоже колобкообразная? — недоверчиво переспросил я. — Недалеко, в соседнем доме живет Кузьмич, цветовод?

— Да, да, да, — подтвердила она, прыснув от смеха. — Это именно Пашка и есть.

— Но мне он показался каким-то перепуганным, нелепым, — удивился я. — Он ведь даже укола боится и давление измерить. Как это он будет еще за санаторий бодаться?

— Так он же не сам, — пояснила Венера. — Он шестерит на каких-то крутых из Ижевска, местных братков.

— Понятно, — сказал я, понимая, что надо будет идти на разговор к этому Пашке. И не забыть проконсультироваться с Чингизом.

Мы еще немного поговорили, и когда я убедился, что все нормально, мой рабочий день закончился.

Я вернулся в Морки, но не успел даже войти к себе домой, как раздался звонок. Это была Фролова.

— Здравствуйте, Полина Илларионовна, — сказал я.

— Сергей Николаевич! — воскликнула она перепуганным голосом. — Борька пропал!

Глава 3

— В каком смысле пропал? — ошеломленно переспросил я. — Он же был в больнице.

— Ну да, конечно, в больнице, — подтвердила Фролова и испуганно всхлипнула.

— Погодите, Полина Илларионовна, не рыдайте, давайте разберемся спокойно, — сказал я. — Он же в палате был?

— Да, в палате.

— Расскажите подробно, что конкретно произошло? Как он мог, раздетый, по такому холоду куда-то уйти?

— Да, понимаете, — торопливо начала Фролова, путаясь и перебивая сама себя, — я же, когда вы мне привезли одежду для детей, посмотрела, а он, Борька-то наш, совсем раздетый. Вы его тогда из Чукши привезли в старых грязных колготочках и в свитерке. И все это я забрала постирать. А переодеть его было не во что, больничные пижамы вы же сами понимаете какие. И я взяла от Андрюшки колготочки и кофточку, и трусики. Все чистенькое, выглаженное, принесла его переодеть. Поменяла ему одежду, а потом подумала и взяла Андрюшкину куртку, комбинезончик и сапожки... Он же покрупнее будет, чем Борька, и старше почти на два года. И вот я взяла и собрала все. И шапочку, свитерочек, в общем, все целиком. Принесла Борьке. Думаю, его обратно забирать, а Райка такая баба непутевая, прости господи, у нее все равно ничего нету. А его что, голого обратно везти? Думаю, дай-ка я одену его нормально, чтоб тепленько было.

Захлебываясь рыданиями, Фролова рассказывала все это на одном дыхании.

— Это похвально, — вставил я, когда она сделала паузу.

— И вот я принесла эту одежду, померила все на Борьку. Там один только свитерок не подошел, маленький был, и колготки тоже, так я их обратно домой забрала, думаю, кому-то другому отдам. А остальное все собрала и положила ему в тумбочку. И ушла. А он, оказывается, оделся и вышел из палаты. Как-то получилось так, что дежурной на месте не оказалось, то ли в уборную отлучилась, то ли, может, еще куда. И он спокойно себе вышел из больницы, никто его даже не остановил. Куда он делся — непонятно. Бросились искать, осмотрели всю больницу, двор, думали, играет во дворе. Нигде его нету. И что теперь делать, не знаю.

— Полицию подключили? — спросил я.

— Да, Лариса уже позвонила, едут, — пискнула Фролова. — Но я просто подумала: вы же с ним дружили, может, он к вам домой пошел?

— Может, — сказал я.

Но дома у меня никакого Борьки не было. Странно, почему я сразу поверил Фроловой? Ведь, в принципе, Борька даже не знал, где я живу, и как бы он мог найти меня? Заглянув в комнату, я обнаружил, что Валера спит, уютно свернувшись калачиком на моей кровати, а Пивасик в своем гнезде, то ли рассорились, то ли просто отдыхают по отдельности. Я торопливо бросил портфель с документами, сел в машину и поехал к больнице, на ходу раздумывая, где искать беглеца. В то, что он мог уйти далеко, я не верил, потому что мальчик слишком слаб и мал. Да и то, что его могли забрать, сомнительно, так как и Витек, и Райка находились в КПЗ у Стаса.

И тут на мой телефон снова раздался звонок. Я принял вызов, номер был неизвестный, звонила какая-то незнакомая женщина.

— Здравствуйте, Сергей Николаевич, — сказала она строгим, хорошо поставленным голосом, от которого сразу хотелось вытянуться по стойке смирно.

— Здравствуйте, — осторожно ответил я, — слушаю вас.

— Меня зовут Валентина Ивановна...

— Слушаю вас, Валентина Ивановна, — сказал я, недоумевающая, кто же это.

— Я завуч моркинской школы, — сказала она и, судя по тому, что голос чуть потеплел, усмехнулась. — Вы Борю Богачева знаете?

— Борьку? — удивился я. — Конечно, а вы что, знаете, где он?

— Да вот он в школу к нам пришел и заявил, что хочет учиться. А уже все уроки давно закончились. И куда его девать? Не знает, откуда он, и адреса своего не знает, только сказал, что дядя доктор Епиходов — его друг. Так я вам сразу и позвонила.

— Сейчас буду, — сказал я, разворачивая машину. — На какой улице находится школа?

Мне продиктовали адрес, я забил его в навигатор, но тот, как обычно в этих чудных краях, не работал. Впрочем, я примерно помнил, где находится эта школа: издали видел, когда мы ехали к поселковому совету. Поэтому немного поплутал, но потом все-таки подрулил туда, куда надо. Охранник меня пропустил, видимо, его заранее предупредили.

Я поднялся по гулким пустынным коридорам на второй этаж. Школа в Морках была хорошая, светлая, оборудованная по самому последнему слову. Как мне посоветовал охранник, я дошел до того класса, который был единственный открытый, и заглянул.

У доски сидела женщина, довольно немолодая, полная, в строгом темно-синем платье с коричневой клеткой. Волосы ее были собраны в узел, а на носу сидели очки. Она посмотрела на меня вопросительно.

— Здравствуйте, — еще раз сказал я и представился: — Я Епиходов, Сергей Николаевич, пришел за Борькой. Это вы мне звонили.

Тут из-за парты высунулась всклокоченная голова, и Борька радостно закричал:

— Дядя доктол, дядя доктол, а я туточки!

— Борис, — сказал я, глядя на него строгим взглядом. — А почему это ты сбежал из больницы? Нехорошо поступаешь.

— Так я же учиться хочу! — закричал Борька и на всякий случай добавил: — А в больнице я уже не хочу, там уколы больно ставят и каша невкусная. И с пенкой!

Я перевел взгляд на учительницу, и Валентина Ивановна с доброй улыбкой пояснила:

— Представляете, Борис пришел сейчас к нам и сообщил, что собирается здесь учиться. Причем сказано это было самым категорическим тоном. Я сразу позвонила вам.

— Боря, а почему ты вдруг решил идти в школу? — улыбнувшись, поинтересовался я.

— Да вот у нас в палате был друг, длузая мой, Килиеська, и он учится в первом классе, весь важный такой. Я ему сказал, что буду воспитывать Пивасика и учить его стихи, и чтобы он не лгался, — начал пояснять Борька. — А Килиеська говорит: «Как же ты можешь учить Пивасика, если ты сам даже буквы не знаешь?» А я знаю букву «А» и букву «О»! «О» — это такая, как бублик, а «А» — вот!

И Борька показал руками букву «А».

— А остальные-то буквы я не знаю. И я понял, что мне надо идти учиться. А тут тетя Поля плинесла одежду, я оделся и посел. Килиеська мне лассказал, куда идти, и я плисел в школу, а тут тетя учительница не хочет, чтобы я учился...

Он надулся и посмотрел на меня умоляющим взглядом.

— Дядя доктор, ты же меня любишь? Скажи ей, чтобы она взяла меня в школу!

Мы с Валентиной Ивановной переглянулись, на ее губах мелькнула улыбка.

— Борька, — сказал я самым что ни на есть педагогическим голосом, — послушай, тебе только пять лет. В школу берут с семи или с шести с половиной. Поэтому тебе надо еще подготовиться, а потом ты придешь вместе со всеми детьми и будешь тут учиться. Да и на учебу берут с первого сентября, а уже вон, смотри, сколько времени прошло.

— Ну и что?! — возмутился Борька. — Я сейчас хочу учиться. Ну возьмите меня. Ну позалуйста! Я буду очень холошо себя вести, я буду тихо сидеть, буду вам полы мыть и доску вытирать, все-все буду делать. Только возьмите меня учиться!

Валентина Ивановна аж челюсть уронила от такого напора.

— Послушай, Борька, — сказал я, — ты еще болен. Я, как строгий дядя доктор, тебя еще не выписал, и ты не можешь сейчас ходить в школу, потому что больные дети не должны быть со здоровыми. Вот когда ты полностью вылечишься, тогда мы подумаем об этом. Сначала ты, может, походишь в детский сад, в подготовительную группу, и научишься там читать и писать, чтобы прийти в школу и уже быть на одном уровне с другими детьми. Ато как же ты будешь с ними? Они уже давно все буквы выучили, небось, таблицу умножения учат, а ты еще даже цифр не знаешь. Нет, так не пойдет, надо хорошо подготовиться. А на следующий год они тебя обязательно возьмут.

Борька вздохнул и расстроено сказал:

— Я не доздумсь целый год, это же це-е-лый год! Я бы узе мог Пивасика научить столько всего.

— Ничего страшного, ты уже его можешь чему-то научить, — сказал я. — А потом, когда пойдешь в школу, будешь учиться дальше. Не все ж сразу.

Вместе с Валентиной Ивановной мы уговорили Борьку, чтобы он подождал со школой, и я взял его на руки и отправился обратно в больницу.

— Дядя доктол, это твоя такая машина? — радостно сказал Борька, когда я посадил его на заднее сиденье. — Детская?

— Да, это моя машина, — усмехнулся я. — У тебя тоже будет такая, но только когда вырастешь и если будешь хорошо учиться, а для этого выздоровеешь, будешь хорошо кушать, слушаться докторов и не убегать из больницы. И вот когда ты станешь таким, как я, у тебя тоже будет такая машина.

— Будет, — уверенно сказал он. — Когда я выласту, я тозе буду доктолом. Как ты!

Когда я вернул Борьку обратно и вышел в коридор, там стояла Полина Фролова и переживала.

— Ох, я тут чуть с ума не сошла, — пожаловалась она мне, заламывая руки. — Ведь это я виновата, что ему одежду в тумбочке оставила.

— Да бросьте вы, — отмахнулся я. — Если бы вы ему куртку не оставили, он бы взял у этого Кириешки.

— Э-э, а, понятно, — сказала она. — Кирилл Скоробогатов — тот еще хулиган. Уверена, это он Борьку подговорил.

— Ну, не на плохое же подговорил, — засмеялся я. — Борька пошел в школу, решил учиться. Но ничего, был вовремя пойман и возвращен назад, так что обречен продолжать лечение.

— Ох, — покачала головой Фролова, — как жалко, такой хороший пацан. Вот толковый он, сразу видно. И как обратно его туда, в Чукшу, отдавать? Райка, говорят, совсем берега потеряла.

— Да, — вздохнул я. — Был сегодня у брата Венеры Эдуардовны дома. Он там целую оргию устроил, и Райка там тоже была. Витьку на пятнадцать суток закрыли, так она себе компанию по интересам нашла и собутыльников.

— Боже мой! — всплеснула руками Фролова. — А ведь такая нормальная женщина была, порядочная, исполнительная. А теперь все. Вот в пьянку ударились и совсем другим человеком стала. Да, правильно еще моя бабка покойная говорила, если женщина начала пить, толку с нее больше не будет.

— Ну, это мы еще посмотрим, — упрямо сказал я. — Не верю я, что совсем ничего нельзя сделать. Будем пробовать разные методы.

— Но ведь Борьку ей сейчас нельзя отдавать, — опять повторила Фролова, глядя на меня и словно раздумывая. — И в детдом его если заберут, тоже жалко. Пацан какой хороший, пропадет же. Эх, была не была!

Она вдруг посмотрела на меня и выдала решительным голосом:

— Сергей Николаевич, вы можете пойти со мной в опеку и помочь, чтобы мне Борьку отдали на полгода?

— Как так? У вас же своих трое, — удивился я.

— Где трое, там и четверо, — махнула рукой Фролова. — Он будет с моим Андрюшкой дружить, и одеть его есть во что, и готовлю я всегда много. Кроватку у Геннадия вон временно возьму, его малой уже вырос. У меня и корова имеется, так что не пропадем. Полгодика дома у меня пусть побудет. Если Райка возьмет себя в руки и станет нормальной бабой, то пускай обратно забирает, родная мать все-таки. А если нет, пусть у меня остается. Ради Бога, мне он не помешает.

Я задумался. А что, вариант с Фроловой, в принципе, очень даже хорош. Тем более и лишняя копейка за этого ребенка, которая будет идти в ее семью на прокорм всех, тоже не помешает. И самое главное, Борька среди ребятишек быстрее социализируется, а то он совсем замкнутый, слова сам не скажет, пока не спросишь. Кроме того, Андрюха учится в первом классе, а у Борьки как раз такая тяга к знаниям, пусть читает его книжки, слушает, как он дома делает домашние задания, может, какой-то толк и будет.

Я принял решение и сказал:

— Да, я считаю, вы абсолютно правы, Полина Илларионовна. Давайте прямо завтра с утра, я как раз по графику в Морках, ходим в отдел опеки и попечительства Управления образования и попробуем оформить документы на временную опеку на вас.

Фролова просияла и кивнула, а я с чувством глубокого удовлетворения пошел домой.

И да, прямо на пороге, конечно же, опять стояла пресловутая трехлитровая банка с молоком от вечерней дойки. Записки на этот раз не было.

— О как, — сказал я и оглянулся.

Но, конечно же, никого вокруг не увидел. Лишь побитый совместно Валерой и Пивасиком соседский петух ходил по двору слева и что-то там печально клевал.

— Ну ладно, спасибо! — крикнул я непонятно кому, подхватил банку, открыл дверь и вошел в дом.

— Ребятишки, молоко пришло! — объявил я.

Валера и Пивасик моментально прискакали ко мне, и я осторожно, чтобы не наступить на путающегося под ногами кота, прошел на кухню. Налил Валере свежего молока, плеснул и себе в стакан и поставил банку в холодильник. Там уже хранились две банки с молоком, в одной не было примерно половины, а во второй где-то на одну треть. И вот что я со всем этим добром буду делать?

Подумал немного, а потом позвонил Сергиным родителям.

— Слушаю, Сережа, — сказал Николай Семенович, приняв вызов. — Как ты там, сынок?

— Хорошо, — сказал я. — А у вас как дела?

— Да у нас все по-старому, живем потихоньку по-стариковски, — немного ворчливо рассмеялся он. — А так тоже все хорошо, не болеем, день до вечера.

— Вот и ладненько. Слушай, отец, а мать рядом есть?

— Да вот же она, сразу прибежала.

— А ты можешь передать ей трубку?

— Конечно, сынок, — немного удивленно сказал Николай Семенович.

В семье Сереги было принято, что на звонки отвечает хозяин, Николай Семенович. Вера Андреевна редко пользовалась телефоном и еще реже принимала участие в таких вот семейных разговорах. Вообще, она была более молчаливая, чем супруг.

— Слушаю, сынок, у тебя случилось, может, что? — немного испуганным голосом сказала она.

— Да нет, мам. Я посоветоваться хочу, — торопливо сказал я. — Понимаешь, тут мне пациенты молоко носят. И вот уже три трехлитровые банки стоят в холодильнике. Я, конечно,

пью и Валере даю, котенку, но это сколько? Стакан, два. И вот получается, что у меня на сегодняшний день примерно семь литров молока. Следующую банку, боюсь, ставить будет уже некуда. Да, оно разного срока годности, но, в принципе, все свежее. И вот скажи, мам, что мне с ним делать?

— Да, дела. Семь литров ты, конечно, не осилишь, — охнула Вера Андреевна, а потом сказала решительным голосом: — Ну, во-первых, то молоко, которое самое-самое давнее, поставь киснуть. Будет простокваша, а сверху снимешь сметану. Сметана, сам знаешь, лучше своя. А простоквашу будешь пить. А лучше поставь его все, пусть оно скисает. Потом, если не захочешь простокваши, сделаешь из него творог, и все будет хорошо. Еще и сыворотка отойдет. А это вообще очень полезная вещь.

— Отлично, — обрадовался я. — И творог, и простокваша действительно полезные.

Кисломолочка, между прочим, давно превратилась в довольно серьезную науку. Не только она, собственно, а все, что касается невероятного мира кишечной микробиоты. Возможно, я уже рассказывал, что, как выяснилось за последнюю пару десятилетий, она влияет не только на пищеварение, но и на иммунитет, уровень хронического воспаления и, как ни странно, даже на настроение, потому что через так называемую ось «кишечник — мозг» микробы подстегивают выработку «гормона счастья» серотонина и прочих нейромедиаторов.

В обычном кефире и простокваше, собственно, обитают лактобациллы и лактококки, а в кефире еще и дрожжи, образуя целый симбиотический консорциум. Вся эта компания помогает переваривать лактозу, подавляет патогенную флору и поддерживает местный иммунитет слизистых — первой линии обороны от многих зараз.

— А как делать творог? — спросил я.

— Ты прямо сейчас поставь его скисать, а я тебе потом позвоню и расскажу рецепт, — сказала Вера Андреевна. — Только выбери такое место, чтоб не сильно жарко было, но и не холодно, тогда нормально получится. Просто у тебя же закваски нет, поэтому пусть потихоньку скисает естественным путем.

— Хорошо, — обрадовался я.

— Ты носочки носишь? — забеспокоилась она.

— Да, конечно, — сказал я. — Кстати, я приеду в эти выходные, зайду, посмотрю твой глаз.

— Ой, как хорошо! — обрадовалась она. — Я тогда к твоему приезду как раз еще одни носки успею связать.

— А ты не могла бы лучше маленькие связать? — внезапно даже для самого себя спросил я. — Для мальчика пяти лет? Есть тут у меня один пациент такой. А носков у него нет. Мать непутевая.

— Свяжу! — польщенно рассмеялась Вера Андреевна, а потом вдруг вспомнила и сказала: — Сережа, мы с отцом сегодня полдня прогуляли по базару. А соседка сказала, что какая-то женщина приходила, про тебя спрашивала.

— Что за женщина? — чуть напрягся я. В последнее время что-то слишком много стало этих женщин.

— Говорила, что она сестра Наташи...

Но никаких подробностей мать не сообщила, замаялась и свернула разговор, выразив надежду, что я скоро приеду.

А я, окончательно задолбавшись, лег спать.

Глава 4

— Я жирная! — Танюха сообщила это преисполненным вселенской печали тоном.

— Здравствуйте, приехали, — только и смог вымолвить я, но, хоть Танюхин голос звучал и жалобно, от некой доли ехидства все же удержаться не смог. — А то ты не знала, Тань?

— Знала, но вот типа снова убедилась, — раздраженно рыкнула соседка, явно недовольная отсутствием сочувствия в моих словах.

— О как! — сказал я, совершенно не представляя, что надо сделать, чтобы Танюха прекратила злиться. Иначе это надолго, а у меня дел с утра капец сколько.

— О как! — отозвался Пивасик, который сидел в личном гнезде и подслушивал наш разговор, так как телефон на этот раз был не на громкой связи.

Дело происходило на кухне в семь утра.

Хорошо, что всю утреннюю рутину я уже заблаговременно выполнил и сейчас неспешно завтракал румяными оладушками. А почему нет? Вот да, захотелось — и нажарил, раз молока у меня: и сладкого, и простокваши, — хоть ванны принимай!

— Не молчи, Серый! — начала злиться Танюха.

Тогда я попытался повернуть разговор в конструктивное русло, иначе обсуждение этой проблемы могло растянуться до самого вечера:

— Так с чего ты внезапно убедилась, что жирная? Завела мужика, начала раздеваться, и он покритиковал? Или что не так?

— Все шуточки тебе, Епиходов! — возмутилась Танюха. — Я же худею: жру все полезное, как ты и сказал, вредное не жру, бегаю, двигаюсь, зарядку и прочую физкультуру тоже, в общем, делаю все, что надо...

— И что? — попытался взбодрить ее я.

— А то! — взвизгнула в трубку Танюха, да так, что я чуть не оглох. — У меня фартук!

— Чего у тебя? — поначалу не понял я.

— Фартук, — уже чуть спокойнее произнесла Танюха. — Когда был живот большой, как барабан, нормально было, а сейчас жир уходить начал, и кожа обвисла, как фартук. Девки на работе говорят, что абдоминопластика нужна, резать все к чертовой бабушке. Вот я и думаю... Какого врача ты мне посоветуешь, Сережа?

— Так! — рыкнул я строгим голосом. Еще не хватало, чтобы эта дуреха сейчас операцию делать побежала. — Жди меня, я в субботу приеду. Там и поговорим. Мне нужно сперва самому посмотреть на этот твой «фартук».

— Да что там смотреть... — фыркнула Танюха, но скорее растерянно.

— Сама подумай, Тань, ты сейчас обвислость отрежешь, а потом вдруг опять поправишься? И что? Кожа еще сильнее растянется. А потом что, снова под нож? Нет уж, ты давай-ка похудей сперва нормально, да чтобы результат как минимум год-полтора устойчивым был. Как минимум! Кроме того, позже на силовые перейдешь. А там уже посмотрим — надо оперировать или оно само на место встанет. Поняла меня?

— Ну ладно... — чуть разочарованно сказала Татьяна и отключилась.

— Что скажешь, Пивасик? — спросил я взъерошенного суслика, когда наконец-то удалось завершить этот бесполезный разговор.

— У самовара я и моя Маша, а на дворе совсем уже темно... — томно пропел голосом Леонида Утесова Пивасик.

— Вот и я так думаю, — вздохнул я и пошел одеваться на работу.

На крыльце я задержался, подставив лицо низкому солнцу.

Утром, пока жарились оладушки, изучал достижения науки и медицины на телефоне и наткнулся на свежую публикацию — почти полторы сотни человек с субпороговой депрессией,

то есть таких, у которых и подавленность, и бессонница, и усталость уже есть, а до полноценного диагноза еще не дотягивает, восемь недель сидели перед лайтбоксом на пять тысяч люкс, по полчаса каждое утро. По сути, плоская LED-панель размером с небольшой чемодан, имитирующая яркий утренний свет. Депрессия, понятно, поехала вниз, это давно известно, ибо солнышко лечит.

Но параллельно у них разогналась глимфатическая система! Та самая мозговая канализация, сеть каналов вокруг сосудов, по которым вымывается метаболический мусор. В том числе бета-амилоид, тот самый белок, который, накапливаясь годами, потихоньку убивает нейроны и в итоге приводит к Альцгеймеру. Раньше считалось, что эта система толком работает только в глубоком сне. А тут, выходит, и утренний свет ее подстегивает!

Впрочем, одно исследование — еще не истина, тем более на такой выборке. Но сам механизм выглядел логично: яркий свет бьет по сетчатке, сигнал летит в супрахиазматическое ядро — крохотный диспетчерский пункт в гипоталамусе, который управляет всеми внутренними часами организма, — и циркадный ритм, суточные биологические качели сна и бодрствования, выставляется заново, как стрелки на часах. Глубокий сон становится глубже, глимфатика в нем работает активнее. А может, и напрямую что-то запускается — пока непонятно.

Так или иначе, стоять на морозном крыльце, шурясь на бледное моркинское небо, было как минимум не вредно. Лайтбокса у меня, правда, нет, зато есть настоящее солнце — пусть и сквозь облака. А так оно даже полезнее!

Я постоял еще с полминуты, вдохнул колючий воздух и пошел к машине.

Фролова ожидала на перекрестке между моей улицей и центральной. С утра конкретно так подморозило, и, хотя снега все не было, от холода женщина зябко куталась в пуховик и подпрыгивала на дороге.

— Сергей Николаевич! — замахала она мне рукой в ярко-зеленой перчатке.

Я остановил машину.

— Здравствуйте, Полина Илларионовна, — высунулся я в окошко. — Садитесь, подвезу.

Она плюхнулась на переднее сиденье и, чуть отдышавшись, мерзляво поежилась:

— Б-р-р-р... Холодно-то как сегодня. В общем, я сказала Александре Ивановне, что мы с вами прямо с утра пойдем в отдел опеки и попечительства. Договорилась, что мы на час опоздаем, а потом просто этот час отработаем после работы.

— И что, она отпустила? — удивился я. — Вы и за меня сказали?

— Да, конечно. Она же тоже переживает за Борьку. Вы не думайте. Так-то она женщина с пониманием.

— А когда вы успели?

— Дык она же, считай, по соседству с моей бывшей свекровью живет, — хмыкнула Фролова. — Я как Андриюшку вечером забирала, так и зашла к ней.

Мы поехали.

— Куда рулить? — спросил я. — А то я немножко путаюсь, вчера школу эту пока нашел, два раза не туда заезжал.

— Да у нас все просто, — усмехнулась Фролова. — Вон направо сначала, а потом там, возле синего дома, повернете.

— Странно, что у вас здесь навигаторы не работают.

— Это да. — Она отвела взгляд. — У нас так. Это же Морки. У нас тут все не просто так.

Я хотел спросить, что это означает, но нагло выскочившая на проезжую часть курица заставила меня резко затормозить и забыть об этом. Потом я уже и не вспомнил. А зря...

— Что-то вы без настроения сегодня, Сергей Николаевич, как я погляжу, — прервала молчание Фролова.

Неожиданно захотелось пожаловаться.

— Да Танюха похудеть даже до конца не успела, живот чуть обвис, так она сразу решила абдоминопластику делать, — наябедничал я. — Подруги на работе, видите ли, насоветовали. И чем эти бабы только думают?!

— Танюха — это ваша жена, что ли? — спросила Фролова, выделив основное.

— Нет, соседка, — уточнил я. — Мы с ней дружим. С детства. Та, что вам детские вещи передавала.

— А-а-а... — протянула Фролова и о чем-то крепко задумалась.

Тем временем мы доехали до управления образования, оно находилось в типовом позднесоветском здании. Я припарковался у соседнего дома, где было место, и мы с Фроловой пошли.

— Вы куда? — строго спросил пожилой охранник в синей форме, который обстоятельно решал кроссворд возле проходной.

— В отдел опеки и попечительства, — быстро ответила Фролова. — В Управление образования.

— Вам назначено? — поднял бровь охранник.

Я не успел и рта раскрыть, как Фролова поджала губы и отчеканила:

— Конечно назначено, иначе почему бы я прогуливала работу?

Охранник не нашелся, что ответить, а мы прошли дальше. Фролова уверенно шагала впереди, и я надеялся, что она знает дорогу. Видимо, знала. Мы зашли в тесный, пропахший всевозможными духами и пудрой кабинет, в котором сидело сразу пять сотрудниц разной степени упитанности. Там же были две закрытые двери в другие кабинеты.

— Здравствуйте! — громко поздоровался я.

Женщины дружно подняли головы и нестройным хором ответили. Я обернулся к Фроловой, та сразу сообразила и взяла все в свои руки.

— Мне нужно со Светой поговорить, — сообщила она безапелляционным тоном.

— А Света вон там, где табличка на двери. У нее сейчас никого нет, так что проходите, — откликнулась веснушчатая женщина с огненно-рыжими волосами и тут же добавила: — Поля, ты же брала муку в Федькином магазине? Как она тебе показалась?

— Ой, ты знаешь, Катя, лучше там не бери, плохо тесто подходит. Что-то я без особого восторга. Еще и кислит как будто, хоть и не сильно. Лучше бери в магазине у Шаповалова, — компетентно ответила Полина.

Катя, очевидно, хотела продолжить столь важную дискуссию, но я уже открыл дверь, и мы вошли в кабинет, сопровождаемые разочарованными вздохами сотрудниц. За столом крашенная жгучая брюнетка примерно лет сорока, в ярко-коричневом брючном костюме и с длинными серьгами в восточном стиле торопливо набирала что-то на компьютере.

— Здравствуйте, — сказал я. Фролова поздоровалась тоже.

— У вас что-то срочное? — Женщина оторвалась от монитора и посмотрела на нас усталым взглядом. — У меня тут завал по работе. Поля, что случилось?

— Мы зайдем совсем немного времени, — пообещал я.

— Света, послушай, нужно тут такой вопрос решить, — полезла вперед Фролова. — Скажи, ты же знаешь Райку Богачеву из Чукши?

— Ну да, — чуть озадаченно отозвалась Света. — Мы же с ней в школе учились, только она намного раньше меня. А что такое?

— Да пацан ее, Борька, сейчас в больнице находится. Из-за истощения и запущенной пневмонии. Она им вообще не занималась, и он так заболел, что чуть не умер. Так вот, она сейчас капитально забухала, Стас ее пока в КПЗ у себя закрыл. И куда теперь Борьку отдавать — непонятно.

— Твою ж мать, — ругнулась Светка и схватилась за голову. — А я так хорошо статистику подогнала, уже отчитываться в Йошкар-Олу собралась. И что теперь? В детдоме у нас на этот квартал только три места. Да и то... Сколько ему хоть лет?

— Пять, — ответила Фролова.

— Ну вот. Это же его надо в малышковый отдел, а у нас места только для старших, — закручинилась сотрудница. — И что мне с вами делать?

— Мы, собственно, как раз по этому вопросу, — перехватил инициативу я. — Я доктор Епиходов Сергей Николаевич, это я делал операцию Борису. У него была крайняя степень истощения и очень тяжелая пневмония. Пришлось даже делать плевральную пункцию. Поэтому я могу констатировать, что, если бы мы хоть немножко помедлили, мог бы случиться смертельный исход.

Светка округлила глаза и ошеломленно покачала головой, а я не стал останавливаться:

— И вот Полина Илларионовна согласна взять Борьку к себе. Или как там у вас по правилам оно называется, на полгода. И нам нужно, чтобы вы Райку лишили родительских прав...

— Стойте, стойте, — перебила меня Светка.

На самом деле, как я потом узнал, звали ее Светлана Марковна Швец, и работала она заместителем начальника отдела опеки и попечительства управления образования Моркинского района.

— Нельзя лишить родительских прав на полгода! Можно лишить навсегда, но, чтобы на полгода — это называется «ограничить в родительских правах», — поправила она. — И если за полгода человек не исправится, тогда лишают навсегда. Если же исправится, ребенка могут передать этому человеку при условии, что он докажет, что вернулся к нормальной жизни.

— Вот мы по этому поводу и пришли, Света, — опять влезла Полина. — Я могу забрать Борьку на полгода, но только надо все правильно оформить.

— Поля, ты же понимаешь, — прищурившись, посмотрела на нее Светка, — что если эта Райка возьмет себя в руки и за полгода станет человеком, то ребенка придется ей вернуть. Ты на это готова?

— Конечно готова, — кивнула Фролова. — Я просто хочу помочь Борьке.

— Ну так помоги. — Светлана Марковна вздохнула и перевела взгляд на меня. — А у вас есть доказательства, что Райка бухает, и все остальное?

Ответить я не успел, меня опять опередила Фролова:

— Ну да, ее Стас сейчас держит в КПЗ. Потому что мало того, что она бухала там по селу, так еще Венерин брат вчера капец оргию устроил. Представь, Венеру выгнал жить в амбулаторию, а сам пьянки начал устраивать там, в ихнем доме, — делая большие глаза, захлеб начала рассказывать Фролова.

— Да ты что! — ахнула Светлана Марковна, и глаза у нее аж заискрились от любопытства. — А Райка что?

— Так вот и Райка, говорят, там у них на пять мужиков одна была! — понизив голос до шепота, поведала Фролова. — И драку спровоцировала. Колян Федора даже в окно из-за нее выкинул. Огонь баба!

А я подивился тому, откуда ей прям такие подробности про эту «Санта-Барбару» стали известны. Ведь лично я ничего про драку ей не говорил. Венера тоже вряд ли начала бы рассказывать об этом. Значит, либо Стас проболтался, либо те два хмурых мужика, которые помогали грузить всю эту алкашню в машину. Впрочем, чего я удивляюсь, они же могли прийти домой и своим женам все рассказать. А те уже по сарафану разнесли на весь район. Да и соседи могли видеть. Но, как бы там ни было, доказательства, по сути, у нас наличествовали. И свидетели тоже.

И вот когда Фролова объяснила это все, Светка задумалась.

— То есть Стас может написать заключение, правильно?

— Ну да, — ответила Полина.

— А я могу медицинское заключение, как оперировавший врач, дать, — подтвердил я. — Есть акт об операции, есть все документы, медицинская карточка Борьки о том, что его довели до такого состояния.

Светка слушала внимательно, подперев подбородок кулаком.

— Понимаете, первоначально ведь было как, — продолжил я. — Когда ребенок чуть не погиб, все местные жители: и Венера, и Стас, и другие — начали просить меня за Райку. Мол, она хорошая женщина, за своими больными родственниками долгие годы смотрела. И молодости у нее не было. И что ее надо пожалеть.

— Да, это так, — вздохнула Светка. — Она, бедняга, конечно, здорово намаялась. Особенно с матерью.

— И вот я по-человечески, разумеется, прислушался. Не стал писать ничего, чтобы ее не посадили. Наоборот, мы ее привели в чувство, прокапали. Затем я ей выдал, так сказать, политинформацию — рассказал, как надо жить правильно, чтобы не отобрали Борьку, и велел идти домой, прибраться. Она первые два дня что-то там пыталась даже в доме делать. — Я помолчал, подбирая слова. — Но к ребенку не ходила! Не интересовалась вообще, в каком он состоянии. Даже когда его из реанимации и из интенсивной терапии перевели в общую палату, ни разу его не провела. Понимаете? Вы тоже об этом можете взять информацию у дежурных медсестер в нашей больнице. Выписку из журнала посещений.

Светка нахмурилась и что-то пометила у себя в блокноте.

— И когда мы с Венерой Эдуардовной ее откачали, я ей все это высказал: что она должна как-то взять себя в руки и подумать, как будет забирать Борьку. И, главное, куда. Она ответила, что его все равно привезут, а о том, что у него ни одежды нет, ничего, даже думать не стала. Вон Полина Илларионовна от своих детей вещи приносила, одевала Борьку.

— Да, это так, — подтвердила Фролова. — На Андрюшку эти одежки уже маловаты, так я все отнесла для Борьки, и пальтишко, и сапожки, и свитерок, и колготочки... все, даже белье.

— «Дольче Габбана», — внезапно хихикнула Светлана Марковна и задорно посмотрела на меня.

Фролова вспыхнула, покраснела, а я сделал вид, что ничего не понял.

— Ладно, все с вами ясно, — со вздохом произнесла она. — А теперь вот смотрите. Нам, отделу опеки и попечительства, необходимо подать иск и доказать опасность пребывания Бориса с Райкой. Это все надо подтвердить документами или свидетельскими показаниями. И тогда, если суд примет положительное решение, ребенка заберут у нее сначала на шесть месяцев. В принципе, мы ее так вот ограничить вполне можем. И даже можем отдать Борьку тебе, Поля, если, конечно, не будет близких родственников, которые начнут на него претендовать. Это тоже надо посмотреть и все перепроверить.

— Да нет, Райка одна, у нее там точно никого нет. Кто там может быть? — махнула рукой Полина.

— Тот же Витек, — заметила Светка и ехидно хмыкнула.

— Да он же даже не вписан в документы, — отмахнулась, словно от несущественной мелочи, Полина.

— А, ну тогда и вопросов нет.

— Да, Райка осталась сиротой, родственников у нее нет, там вроде какая-то чуть ли не троюродная бабка аж на границе района живет. Так что все нормально будет.

— Вот, значит, смотрите, что теперь надо делать, — перешла на деловой тон Светлана Марковна. — Первое — сбор доказательной базы. Собрать абсолютно все, что можно. Лучше больше. Понятно, что все это будем делать мы. Но, если у вас есть возможность дополнительно предоставить какие-то свидетельства, это будет только приветствоваться. Ускорит наш выход на суд. Понимаете?

Мы с Фроловой синхронно кивнули, словно два китайских болванчика.

— Значит, справку из полиции мы получим по запросу. На медицинские заключения тоже сделаем запрос в вашу больницу, но вы, Сергей Николаевич, уже начинайте прямо сейчас готовить. Еще надо будет провести акты обследования условий жизни от опеки.

Светлана Марковна черканула что-то у себя в блокноте и подняла на нас глаза.

— Так! — Она скользнула взглядом по распечатанному, приклеенному к пробковой доске на стене графику, поморщилась и добавила: — У нас машина свободная будет только через полторы недели, потому что сейчас начальник управления образования объезжает все школы Моркинского района, проверяет методические кабинеты, хозяйственные дела и условия выполнения СанПиНов. Поэтому вот только так.

— Полторы недели? — помрачнела Фролова.

Глава 5

— Послушайте, Светлана Марковна, — сказал я. — Я за рулем. И мы можем хоть сейчас сесть и проехать туда все посмотреть. Как раз Райка в КПЗ, поэтому там, в доме, ничего не изменилось, и вы сможете собственными глазами все увидеть.

— А давайте, — решительно вздохнула Светлана. — Только я сейчас схожу к замначальника управления образования, сообщу ей, и мы еще захватим одну женщину. Она из нашего управления, но по воспитательной работе. От нее тоже возьмем документ. И вот когда соберем все бумаги, мы подготовим материалы и подадим иск. Но хорошо бы, чтобы, кроме органов опеки, истцом был кто-то из близких родственников. Так как близких родственников нет, а в детский сад или в школу Борька не ходит, как я понимаю, нужно подумать, кого мы еще можем привлечь.

— Я могу, — сказал я.

— Вот и замечательно, — кивнула Светлана Марковна и улыбнулась с довольным видом. — Два истца — это более чем хорошо. Подождите меня тогда в коридоре. Пять минут, я скажу начальнице, и мы едем.

Мы вышли в коридор, Фролова сбегала в дамскую комнату, а буквально через минуту Светлана Марковна выскочила и торопливо спросила:

— Скажите, пожалуйста, мы сможем осмотреть все за полчаса?

— Полчаса? — задумался я, прикинув расстояние. — Думаю, минут в сорок уложимся, потому что доехать надо и все там оглядеть.

— Ага, тогда нормально, — качнула головой она. — Потому что у нас в десять пятнадцать совещание в администрации, мне тоже надо быть. ВКС у нас будет. Поэтому мне разрешили отлучиться совсем ненадолго. А Ольга с нами не поедет, у нее доклад, надо подготовиться.

— Мы все успеем, — успокоила ее Фролова. — Там же только надо осмотреть и сделать фото, правильно?

— Да-да, верно.

Мы сели в машину, и я резво покатыл в сторону Чукши.

— Какая машина у вас солидная, — восхитилась Светлана Марковна, но тут же спохватилась. — Нужно же позвонить Стасу!

Коротко переговорив с участковым, сообщила:

— Стас будет нас ждать там.

— А мы имеем право войти в дом Богачевой без нее? — спросил я. — Это не будет расценено как проникновение со взломом в чужое жилище?

— Во-первых, с нами будет Стас. Во-вторых, если что, можно притащить Райку, — ответила Швец. — А вообще, я так думаю, там никто против не будет. Тем более я уверена, что дом там вообще закрыт на ключку, заходи кто хошь. Да и что там брать?

Некоторое время в машине было тихо. Я рулил, Швец глядела на дорогу, а что делала Фролова, мне было не видно. Но уже через минуту Светлана Марковна вдруг спросила:

— Скажите, Сергей Николаевич, а это правда про санаторий?

Я чуть не выехал на обочину от неожиданности.

— Что именно? — осторожно уточнил я. Видимо, слухи о моем проекте уже расползлись по району. — Откуда вы знаете?

— От верблюда, — хихикнула Швец, но тут же поняла, что сморозила глупость, и зарделась. — Да весь район знает, Сергей Николаевич. У нас же, сами знаете как: где-то кто-то что-то услышал, что-то додумал, кто-то подтвердил — и уже знают все.

— Но все же мне интересно, — не сдавался я. — Откуда информация?

— А что, неправда разве? — с вызовом, чуть прищурившись, глянула на меня Швец.

— Я не сказал, что неправда, — ушел от прямого ответа я, — но все же... Да что тут скрывать! Правда.

— Тайра Терентьевна всем рассказала. Вернее, двоим вроде только, но одна живет по соседству с моей мамой, я к ней ходила, и она мне все выложила. Да и понятно, что уже все знают.

«М-да, село — это село. Стоит только что-то даже не сказать, а подумать, как уже все знают», — подумал я, но комментировать вслух не стал.

— Да, это правда, — не стал отрицать очевидное я. — Но не факт, что у меня что-то получится. Так, это задумка. Есть программа, скажем так, даже не программа, а черновик программы, но еще дело даже с мертвой точки не сдвинулось.

— Ну, зная вас, — прищурилась Швец, — я думаю, что это дело очень быстро сдвинется с любой точки. В конце концов, моркинцы помогут, потому что все прямо вздрогнули, услышав об этом. У многих вообще работы нету, тем более по специальности. А ведь в этом санатории у нас целыми династиями люди работали и гордились. И очень жаль, что такой санаторий, по сути, разрушен.

— Это да, — согласился я. — А к чему вы это?

— Да вот понимаете... Ну, вот когда вы будете набирать персонал... Или у вас уже он набран? — перебила сама себя Швец, взглянув на меня.

— Нет еще, — мотнул головой я.

— Ну вот, когда вы будете набирать персонал, может, рассмотрите кандидатуру одного мальчика?

— Что за мальчик? — спросил я.

— Ну, ему девятнадцать лет. Учится в медколледже, последний курс.

— Так его же могут в армию забрать. Или он служил?

— Нет, он, понимаете, как бы это сказать? — Она чуть смутилась. — Это племянник. Моей двоюродной сестры сын. Но он слепой. ОВЗ. Заканчивает медицинский колледж под Тюменью, в Ялуторовске. Учится на медбрата-массажиста, и мы уже с ног сбились, ищем ему работу — не на каждое же место берут. А он в Морках не хочет. Потому что здесь свои массажисты есть хорошие. А населения у нас не так чтобы много, и у него клиентов не будет. А мать его в Йошкар-Олу или в Тюмень отпускать боится. Сами понимаете, инвалид. Ну и мы опасаемся. Вот вся семья и переживает. А тут подумали: если такая возможность появится — в санатории прям рядышком, и мать была бы спокойна, и у нас машина есть, мы бы его возили. Как вы насчет этого?

Я задумался, а потом осторожно начал:

— Вы знаете, Светлана Марковна, сама идея набирать слепых массажистов мне очень импонирует. Я считаю, это мое глубокое убеждение, что люди с ограниченными возможностями в чем-то превосходят обычных. Природа им компенсирует, как правило, в другом. И у слепых массажистов обычно уникальные руки. Они могут делать такой массаж, какой обычный человек просто не сумеет в силу того, что его тактильные способности не так развиты. Поэтому я только за. И, в принципе, спасибо, Светлана Марковна, вы мне подали хорошую идею. Просто даже замечательную! Думаю, я в своем санатории, если у меня все получится, конечно, выделю места и буду набирать массажистами именно вот таких ребят. А может, и не только массажистами. Надо это хорошо обдумать.

— Так, может, вы его возьмете? — с надеждой обернулась ко мне Швец.

— Я с удовольствием рассмотрю этот вопрос как первоочередной. Тем более если он местный, моркинский. Но вы же сами понимаете, сказать сейчас стопроцентное да я не могу. Этот мальчик может быть хорошим сыном, хорошим человеком, хорошим ребенком, но не любить профессию или у него может не получаться. Надо попробовать, вы же сами понимаете. Если же все понравится, я с удовольствием его возьму. Почему нет?

— Ну, будем считать, что вы в целом не против, — просияла Швец.

— Давайте будем так считать, хорошо.

— Тем более что ему еще учиться целых два месяца, так что время есть.

— Вот и замечательно, — ответил я, и мы как раз подъехали куда надо.

Получилось, буквально через семь минут мы уже были напротив Райкиного дома.

Притормозил, и мы вышли из машины — я даже не стал глушить. Заглянули во двор, где было сущее болото, потому что сегодня хоть и прихватило небольшим ледком, уже начало подтаивать, и весь двор превратился в раскисший пустырь с внушительными колдобинами, полными жидкой грязи. По углам валялись рваные пакеты и мешки с мусором, из которых вываливались битые стеклянные бутылки из-под водки, пластиковые пивные емкости и прочий подобный хлам. В саду уцелела единственная кривая яблонька, очень старая и побитая цитоспорозом.

Навстречу нам выскочила тощая юркая курица. Перьев с одной стороны на спине у нее не было, а с другой они почему-то были выкрашены в синий цвет. Она с надеждой уставилась на нас и жалобно квакнула. Сердобольная Фролова не выдержала, вытащила из сумочки печенье и бросила ей:

— На! — Голос ее при этом предательски дрогнул от жалости.

Курица недоверчиво покосилась на нас, склонив голову набок, словно Пивасик, перед тем как спикировать на Валерину миску. Но голод победил инстинкт самосохранения, и она осторожно подкралась к нам, готовая в любой момент прыснуть в сторону. Тут же цапнула клювом печенку и резво ломанулась куда-то за развалившийся сарай.

— Да уж, — прокомментировала увиденное Швец.

— Жить захочешь — и не так раскорячишься, — заметила Фролова.

А дальше мы, аккуратно выдирая обувь из грязи, кое-как добрались до самого дома, поднялись на три ступеньки, одна из которых давно вывалилась, открыли незапертую дверь и вошли внутрь.

В прошлый раз я лично видел, как Райка отмывала эту комнату, но сейчас от ее усилий не осталось и следа. Такое впечатление, что тут прошло стадо слонов, причем все они были с грязными лапами и в неадекватном состоянии.

Где-то я читал, что есть такие месяцы, когда в джунглях падают перезревшие фрукты и долго-долго лежат на солнце. От сильной жары и высокого содержания сахаров там начинается интенсивный процесс брожения, и такие фрукты через несколько дней представляют собой довольно крепкий хмельной концентрат, потому что словом «напиток» назвать их будет неправильно. Слоны приходят к этим фруктам и поедают их в огромных количествах. А потом дуреют в буквальном смысле слова. Пьяные слоны табунами бегают по джунглям, трубно орут, матерятся на слоновьем и ни на что не смотрят. Они сносят целые селения, хижины, затаптывают поля, и в этот период на пути им никто старается не попадаться. Так вот, у меня создалось впечатление, что стадо именно таких одурманенных слонов пробежалось по Райкиному дому. Причем раза четыре подряд.

Само собой, разуваться мы и не подумали.

— Давайте пойдем сначала к холодильнику, — деловито распорядилась Светлана Марковна, взглянув на часы. — Так, секундочку.

Она сделала фото. От порога послышался голос Стаса:

— Это вы?

— Да, мы, — крикнул я. — Заходите сюда.

Стас тоже вошел и огляделся:

— Да, можно и не разуваться.

Поморщившись от застарелого перегара, он прошел в комнату.

— Ох и Райка, все-таки толку с нее не будет, — качнул головой он. — Решили Борьку забирать, да, Светлана Марковна? И куда его?

— Да, — подтвердила Светлана Марковна. — Будем подавать иск в суд и посмотрим, чем дело закончится, но я более чем уверена, что ребенка Райка не получит.

— Давайте глянем, что из продуктов есть, — вспомнил я. — Райка говорила, что возьмет у соседки картошки и нажарит.

— Ну вот мы сейчас и убедимся.

Швец подошла к холодильнику и открыла его. Он, кстати, не работал. Старый, еще советского образца, с надписью «Днепр» — непонятно, на какой помойке она его нашла. На проржавевших решетках сиротливо лежали две подвявшие морковки и пустая бутылка из-под кока-колы.

— Вот это да, — присвистнул Стас. — Этим она Борьку и собиралась кормить?

— Можете подержать дверцу, я сфотографирую? — обратилась Светлана Марковна к Фроловой.

— Да, да, конечно.

Фролова аккуратно придерживала дверцу, а Светлана Марковна щелкала камерой.

— Так, а теперь проверим в шкафчиках, может, там крупы есть, тушенка, консервы, макароны?

Кухня выглядела не лучше. Если бы дом так не остыл — его уже дня два не протапливали, — тут был бы рай для тараканов.

Я сразу вспомнил тот бардак и срач, который был у Сереги в квартире в мой первый день. В принципе, по сравнению с тем, что здесь, там было более-менее ничего. Все-таки сказывался и относительно хороший ремонт, и то, что присутствовала вся кухонная утварь и техника.

Здесь же стоял старенький столик, под которым болталась полуоторванная замызганная шторка из клеенки, облезлый навесной умывальник, криво повисший на одном гвозде, и ржавое ведро. На стене висели ободранные полки с посудой.

Светлана Марковна ловким движением натянула перчатки и подняла эту шторку. Там обнаружился только старый пакет из-под макарон и еще один, где оставалось примерно две-три столовых ложки гречки. И все. Больше ничего.

— Вот и вся еда, — констатировала Светлана Марковна. — Теперь, пожалуйста, пройдем дальше... а еще проверим, работает ли газовая плита.

Она покосилась на немытую, покрытую бурым налетом плиту и скривилась. А Стас со вздохом сказал:

— Я сам.

И поднес спичку. Газа не было.

— Потому что баллон надо менять, — пояснил Стас, затушив спичку, — а она, видимо, и не думала.

— Но у нее вроде электрическая плитка была, — тут же вспомнил он. — Я точно помню, что Витек брал у кого-то.

— И где она? — спросила Швец.

Мы осмотрели всю кухню — плитки нигде не было.

— Наверное, пропили, — пожал плечами Стас.

Никаких других продуктов мы не нашли: ни картошки, ни домашней консервации — словно саранча прошла по всему дому. Причем очень прожорливая и нечистоплотная саранча.

Затем Светлана Марковна скомандовала:

— А теперь пойдемте в комнату. Нужно только понять, где спальня Бориса. То есть место, куда Раиса должна привести ребенка.

Дом состоял из двух комнат, и одна из них, по всей видимости, считалась детской. Мы прошли туда. Там стоял полупродавленный диван с темными кругами на сиденье — судя по запаху, кто-то его обоссал, причем я склонялся к мысли, что это был не Борька. Ни стола, ни нормальных игрушек — разве что пара старых машинок, пластмассовых кубиков и большой, донельзя чумазый плюшевый медведь с оторванной лапой. Вот и все. На окне болталась какая-то тряпка, заменявшая штору и хоть сколько-то прикрывавшая щели, чтобы не так дуло.

— Одежду глянем? — предложила Светлана Марковна, поморщившись.

Стас первым метнулся и открыл шкаф. Сзади фыркнула Фролова: внутри из одежды были только две кофточка, грязные колготки и рваная жилетка. Даже трусов и маек мы не нашли.

— То есть этого, как мы видим, недостаточно для того, чтобы обеспечить ребенка нормальными условиями для жизни, — констатировала Светлана Марковна.

Она быстренько накидала акт, и мы все по очереди в нем расписались.

— А теперь я пришлю вам все в распечатанном виде на компьютере. Прямо сегодня и сделаю, — добавила она. — По дате подачи иска мы вам тоже всем сообщим отдельно. Не будем затягивать.

— Ой, смотрите! — крикнула из другой комнаты Фролова и рассмеялась.

Мы все с любопытством двинулись туда. Женщина стояла у серванта и держала в руках флакон с духами.

— Офигеть! — прокомментировал Стас.

— И духи недешевые, между прочим, — заметила Швец. — «Шанель». Причем явно не подделка. Я себе такие позволить на свою зарплату не могу.

— Райка тоже вряд ли может, — хмыкнула Фролова.

— Кто-то из «женихов» подарил? — усмехнулась Швец.

— Видели б вы этих ее «женихов». — Стас скривился, а затем нахмурился и повернулся к Фроловой. — Позвольте-ка.

Он сунул флакон в пакетик, который был у него в кармане, и пояснил:

— Вещественное доказательство. Вполне вероятно, у кого-то украли. Нужно проверить заявления.

Швец взглянула на часы и обратилась ко мне:

— Сергей Николаевич, а сейчас отвезите меня, пожалуйста, обратно в управление образования, потому что скоро ВКС.

Мы распрощались со Стасом, сели в машину и двинули обратно в Морки.

Глава 6

Закончив с формальностями по опеке над Борькой, мы с Фроловой поехали на работу.

В больнице она сразу же убежала куда-то, а я неспешно шел по больничному коридору к своему рабочему месту.

И вдруг Система самопроизвольно активировала диагностику коренастого мужчины у стены. От неожиданности я чуть не шарахнулся, но вовремя взял себя в руки. Присмотрелся к мужику. На вид я бы дал ему лет пятьдесят с небольшим, лицо его было землистым и давно не бритым, с мокрым от испарины лбом.

Мужик прижимал широкую ладонь к правому боку и неглубоко, осторожно дышал. Так делают те, кому больно при каждом вдохе. Рядом сидела невысокая женщина в темном шерстяном платке, крепко придерживавшая его за локоть.

Диагностика завершена.

Основные показатели: температура 37,4 °С, ЧСС 98, АД 130/85, ЧДД 20.

Обнаружены аномалии:

— *Гидатидная киста (паразитарная полость) печени, сегменты VII–VIII, 9,1 см. Тип СЕЗb (активная стадия с дочерними пузырьками).*

— *Истончение перикисты (наружной фиброзной оболочки). Киста напряженная. Риск спонтанного разрыва — высокий.*

— *Эозинофилия (повышение клеток, характерное для паразитарной инфекции).*

Я остановился и напрягся. Девятисантиметровая киста в печени, причем в активной стадии и с тонкой, как яичная скорлупа, стенкой? Хуже, пожалуй, некуда.

— Что беспокоит? — спросил я, присаживаясь перед ним на корточки.

Мужчина поднял на меня мутноватые, воспаленные от недосыпа глаза и прошелестел тихим голосом:

— Бок. Полгода ноет, но было терпимо. Вот только этой ночью прихватило так, что Леська сказала, хватит дурить, поехали в больницу.

Женщина в платке энергично кивнула, подтверждая, что именно так она и сказала. Хорошо, что сказала — одинокий мужик, скорее всего, с такой кистой терпел бы до разрыва, потому что «само пройдет» и «чего зря мотаться». Слышал я и версию, что «доктора не лечат, а только калечат».

— Скотину держите? — спросил я.

— А то! — гордо сказал мужик и скривился от боли. — Двадцать голов овец.

— Собаки?

— Три собаки при дворе, — ответила женщина и представилась: — Меня Олесей зовут. Жена я Гришкина. А это сам Григорий. А вы?

— Сергей Николаевич Епиходов.

— А! — обрадовалась она. — Тот самый доктор из города?

— Вроде того, — кивнул я и опять посмотрел на мужика. — Скажите, Григорий, а вы овец сами забываете?

— Ну а как еще? — Мужик слегка пожал плечами, тут же поморщившись от движения. — В район же не повезешь. Из-за ерунды такой зачем мотаться.

Я взял его запястье, нащупав частящий, напряженный пульс, и посчитал, подтверждая данные Системы: около ста. Подметил, что кожа влажная, липкая. Температурка 37,4 °С, невысокая, но упрямая. Такая говорит о том, что организм тихо с чем-то воюет — и, судя по всему, проигрывает.

— Ваша фамилия? — спросил я.

— Яндемиров, — ответила за него жена. — Говорю же, Гриша. Григорий то бишь.

— К кому записаны?

— К Сергею Кузьмичу. Он направлял на УЗИ, а потом сказал ждать здесь.

Ну конечно, кто же еще. Ачиков.

— Подождите здесь, — сказал я, поднимаясь. — Выясню детали у Сергея Кузьмича.

Олеся посмотрела на меня с нескрываемой тревогой, но промолчала.

Ачиков сидел за заваленным бумагами столом и что-то писал.

Всмотревшись, я разобрал наполовину заполненный бланк направления в Йошкар-Олу: «чрескожная пункционная биопсия печени под УЗ-контролем». По-простому это значило, что пациенту проткнут иглой печень и заберут кусочек ткани на анализ. Стандартная процедура при подозрении на рак.

— Сергей Кузьмич, дайте глянуть протокол УЗИ по Яндемирову, — сказал я от двери.

Ачиков поднял голову, и на его лице мелькнуло раздражение, которое он не успел быстро спрятать.

— Здравствуйте, Сергей Николаевич, — процедил он. — Какому Яндемирову?

— Григорию Яндемирову, который ждет в коридоре. Ему ведь сделали УЗИ?

Он мощным усилием воли сдержал рвущееся наружу ругательство, полез в стопку на краю стола и, помедлив, протянул мне мятый бланк. Дата стояла позавчерашняя. Узистка честно и добросовестно описала все найденное: образование в правой доле печени, примерно девяносто миллиметров, двойной контур стенки, множественные округлые включения, эффект «плавающих мембран», когда внутренняя оболочка отслаивается от наружной. Заключение, впрочем, было лаконичным: «*объемное образование печени, рекомендована консультация онколога*».

Узистка описала картину, но неправильно ее интерпретировала. А Ачиков, получив бланк, прочитал заключение, а не описание. Двойной контур стенки и дочерние пузыри — это не опухоль, а паразитарная киста. «Перегородки», которые узистка аккуратно отметила, на самом деле были мелкими кистами внутри большой, как виноградины в тугом мешке. Для рака такая картина нехарактерна, зато для эхинококкоза самое то.

— Здесь двойной контур стенки и дочерние пузыри, Сергей Кузьмич, — сказал я, возвращая бланк. — Это не опухоль. Подозрение на эхинококкоз.

Ачиков выпрямился на стуле и тупо посмотрел мне в глаза.

— Чего?

— Это тяжелое паразитарное заболевание, вызываемое личинками ленточного червя. Характеризуется образованием медленно растущих кист.

— Скажете тоже, червя. Сначала надо исключить самое худшее! — пафосно сказал Ачиков. — Вы разве не знаете, что кистозная форма рака тоже бывает? Для того и нужна пункция! Чему вас только учат!

— Если проткнуть эту кисту иглой, давление внутри упадет, содержимое хлынет в брюшную полость, и через минуту у человека начнется такая аллергическая реакция, что ни один реаниматолог не вытянет. Молниеносная анафилаксия прямо на столе.

— Вы без году неделю здесь работаете и уже все знаете лучше всех?! — непонятно почему яростно взвился Ачиков, покраснев до корней волос. Его пальцы вцепились в ручку. — Я этого пациента вел, я назначал обследование, я выписывал направление! А вы заходите в мой кабинет и ставите диагноз по чужому протоколу! Да кто вы такой?

— Сергей Кузьмич, я не ставлю диагноз, — ответил я, не повышая голоса, — а читаю описание, которое вы подписали к направлению. В описании есть признаки кистозного, не солидного образования. Пункция без дифференциальной диагностики — это нарушение стандарта.

— Какого стандарта?! Это и есть стандартная процедура!

— Стандартная для опухолей, но не для паразитарных кист. К тому же ему сейчас заметно хуже, чем при первичном осмотре: тахикардия, температура, напряженный живот. Ему нужно повторное УЗИ — здесь, сегодня. Прямо сейчас.

Ачиков поднялся, опираясь о стол обеими руками, лицо его исказилось от ярости, и я подумал, что он сейчас закричит, но, видимо, совместно проведенные операции к чему-то все-таки привели, и он просто сказал:

— Делайте что хотите, Епиходов, раз такой умный. Но, если вы ошибетесь, я напишу докладную. С датой и временем. Расскажу, как вы вмешивались.

— Пишите, — сказал я и вышел из его кабинета.

В коридоре я позволил себе секунду постоять, привалившись плечом к стене. Ачиков попросту не обучен читать ультразвуковые протоколы печени на предмет паразитарных кист. Вероятно, злился он не на меня, а на собственную некомпетентность, которую я обнажал одним фактом своего присутствия, и сам он это отлично чувствовал, отчего бесился еще сильнее.

Впрочем, разбираться в психологии уязвленного коллеги было решительно некогда. Чета Яндемировых смотрела на меня испуганными взглядами. Я помог Григорию подняться с жесткого стула и повел к кабинету УЗИ.

Узистка Кострова, немолодая сухощавая женщина, удивилась, когда я привел Яндемирова без записи, минуя очередь, но спорить не стала. Я встал рядом с монитором и попросил пройти датчиком по правой доле печени, начиная с седьмого–восьмого сегментов.

— Вот здесь остановитесь.

На экране появилась крупная напряженная киста, выпирающая из печеночной ткани.

Эх, сейчас бы топографическую визуализацию, как тогда, во время операции...

Бум! Словно услышав меня, одновременно с монохромным ультразвуковым изображением Система наложила свою разметку — истонченный участок стенки подсвечивался тревожным красным, зона подтекания обозначилась желтым контуром, а дочерние пузыри были аккуратно пронумерованы. Теперь я точно видел обе картины одновременно, и это дало мне стопроцентную уверенность в диагнозе. Это точно чертов паразит.

Кострова чуть надавила датчиком, и Григорий дернулся.

— Ай! — Он схватился за край кушетки. — Больно, доктор!

— Извините, — испуганно пробормотала Кострова и, повернувшись ко мне, заговорила тише: — Стенка истончена, киста напряжена. Внутри взвесь, «снежная буря». И вот тут...

Она указала на экран. Тонкая полоска жидкости скопилась у нижнего края печени, а рядом стенка брюшины была заметно утолщена — верный признак местного воспаления. Когда жидкость начинает подтекать из кисты, брюшина реагирует первой, набухая и краснея, словно обожженная кожа.

Это означало, что стенка кисты уже дала микротрещину. Еще не полноценный разрыв, но его грозный предвестник. Натуживание, сильный кашель, подъем тяжелого ведра с водой — что угодно могло спровоцировать полный разрыв.

— Что это? — спросила Кострова, настороженно всматриваясь в экран.

— Напряженная эхинококковая киста с угрозой разрыва, — прошептал ей я.

Она побледнела и медленно, почти боязливо убрала датчик с живота Григория, словно лишний раз надавить было опасно.

Яндемиров застегнул рубашу, после чего я усадил его в коридоре рядом с женой. Картина была в общем-то понятной: микроперфорация, воспалительная реакция брюшины, и счет до катастрофы пошел на часы. Оставалось, собственно, получить разрешение на экстренную госпитализацию, а для этого нужна была подпись главврача, так что я пошел к ней, велев Яндемирову по возможности не шевелиться.

Александра Ивановна сидела за своим массивным столом, когда я вошел, и по тому, как она холодно и чуть прищурившись на меня посмотрела, я сразу понял, что Ачиков уже здесь. И правда, ее племянник стоял у окна, скрестив руки на груди, и старательно смотрел мимо меня.

— Сергей Николаевич, — сказала главврач ровным, негромким тоном, — мне жалуются, что вы вмешиваетесь в лечение чужого пациента.

Своим немигающим взглядом она напоминала мне питона. Давить на сочувствие к пациенту было, очевидно, бесполезно, потому что Александра Ивановна считает не жизни, а последствия. Прежде всего, для своей массивной пятой точки.

— Александра Ивановна, у Яндемирова эпиданамнез на эхинококкоз, — начал я спокойно. — Он же овцевод из эндемичного района, причем у него три собаки при дворе. Занимается частным забоем скота. Данные двух УЗИ с трехдневным интервалом показывают отчетливое ухудшение: киста была без воспалительной реакции, а сегодня — уже свободная жидкость у нижнего края печени и утолщение брюшины. Наблюдается тахикардия, субфебрильная температура, напряжение мышц. Диагноз ставится клинически, серология для экстренного решения не нужна. Киста готова лопнуть.

— Ну и? — хмыкнула главврачиха так, словно никакой проблемы во всем этом не увидела. Хотя по тому, как побелело ее лицо, я понял, что она здорово перепугалась.

Я выдержал секунду и продолжил, глядя ей в глаза:

— Понимаете, Александра Ивановна, если разрыв произойдет дома, по дороге или в коридоре нашей больницы, пациент получит анафилактический шок: давление рухнет, бронхи сожмутся, сердце остановится. Если он умрет, а в карте зафиксировано, что состояние ухудшалось и его не госпитализировали, отвечать будет и лечащий врач, и главный.

Вот теперь Александра Ивановна начала слушать по-настоящему. Она оказалась в ловушке: защитить самолюбие и амбиции племянника означало подставить себя.

— Хорошо, госпитализируйте, — смилостивилась она, разгладив какую-то невидимую складку на столе. — Я подпишу как экстренную. Но протокол операции будет под вашу ответственность, Сергей Николаевич. Полную.

Произнесла она все так, будто это было ее собственное мудрое административное решение, принятое после тщательного взвешивания всех обстоятельств. Ачиков, который все еще стоял у окна, униженно промолчал. О том, что именно униженно, сообщил мне всеведущий эмпатический модуль.

— Как обычно, — не удержался от комментария я и вышел из кабинета, аккуратно прикрыл за собой дверь и отправился в приемное. Формальности закончилась, началась настоящая работа.

Следующие два часа ушли на подготовку. Григория госпитализировали, перевели на голод, поставили венозный катетер, начали капать. Забрали кровь на развернутый анализ: эозинофилия, повышение клеток, типичное для паразитарной инфекции, наверняка подтвердится к вечеру, но это уже для документации, а не для диагноза.

Старшая медсестра Лида, фактически управляющая всеми хозяйственными делами больницы, уютная женщина с доброй улыбкой, принесла мне рукописный список того, что имелось в операционной. Я пробежал его глазами, мысленно сверяя с тем, что понадобится. Шприца Жане для промывания полостей не оказалось, однако нашелся обычный шприц на сто пятьдесят миллилитров, который вполне сойдет. Крепкого двадцатипроцентного солевого раствора, убивающего личинки паразита при контакте, в аптеке тоже не имелось, но это как раз было решаемо.

— Физраствор и соль есть, — сказала Лида, заглядывая мне через плечо. — Сколько надо?

— Литр. Двести граммов соли на литр воды. Приготовим сами.

Она записала цифры на обрывке бумаги и ушла, не спрашивая зачем. Толковая женщина.

Анестезиолог Николай Борисович заглянул в ординаторскую через полчаса. Присел на край стола, не торопясь достал из кармана несвежего халата мятную конфету, развернул обертку и положил в рот.

— Общий наркоз, интубация, — сказал я. — Адреналин и преднизолон наготове с первой минуты. Если пойдет анафилаксия, Николай Борисович, у нас будет секунд тридцать до точки невозврата.

Он пожевал конфету, помолчал и коротко качнул головой:

— Принято. Адреналин разведу заранее, чтобы не возиться.

В коридоре я столкнулся с Ларисой Степановной, медсестрой амбулаторного приема. Она шла навстречу с таким видом, будто совершенно случайно проходила мимо, хотя ей было явно не по пути.

— Правда, что вы Ачикову запретили пациента в Йошкар-Олу отправлять? — спросила она, понизив голос до театрального полусшепота.

— Я предложил дообследование.

Лариса Степановна сделала многозначительное выражение «ну-ну» и удалилась, покачивая головой. К вечеру версия обрстет такими подробностями, которых в исходном событии даже близко не лежало.

Объяснять диагноз Григорию и Олесе пришлось мне. Ачиков, разумеется, не пришел.

— Это не рак, — сказал я, придвигая стул к койке. — Внутри у вас паразит. Называется эхинококк. Собаки заражаются от овечьих потрохов, а человек — от собак: через шерсть, через немые руки, через миску. Личинка попадает в кишечник, оттуда с кровью заносится в печень и растет годами, образуя пузырь, внутри которого зреют сотни новых личинок. Мы его сегодня уберем.

Олеся прижала руки ко рту.

— Слава богу, не рак... — И тут же, без малейшей паузы: — А собак-то что, выгонять?

— Проглистогонить. Раз в три месяца, таблеткой. И руки мыть каждый раз после контакта с шерстью, обязательно с мылом. А главное, не давать собакам сырые потроха, потому что именно так замыкается цикл: овца заражена, собака съела потроха, яйца паразита попали на шерсть, вы погладили собаку и сели обедать.

Григорий слушал, озадаченно наморщив лоб.

— Так это что, от Шарика? Или от Жучки?

— От Жучки, от Шарика и от третьей, как бы она ни звалась.

Олеся покосилась на мужа и взвизгнула:

— А я тебе сколько раз говорила — руки мой! — Перевела взгляд на меня и повторила: — Каждый раз ему говорю, доктор: «Мой руки!» А он!

— Что я? — рыкнул Григорий, но смутился. — Я мою!

— Перед едой не всегда! — настаивала, но уже робко Олеся.

— Слушайте жену, Григорий, — сказал я и поставил точку: — Мойте руки после любого контакта с животными. И перед едой обязательно. А вы, — я повернулся к женщине, — всех домочадцев тоже проверить надо и проглистовать.

Оставив их в палате, я вернулся в ординаторскую заполнять историю болезни. Операцию планировал на вечер, сначала хотел дождаться результатов крови, дать капельнице поработать, подготовить операционную без суеты. Сидел, писал назначения, прикидывал последовательность действий и уже дошел до графы «аллергологический анамнез», когда дверь ординаторской распахнулась.

Лида стояла на пороге. Не вошла, не постучала — распахнула, и по тому, как побелели ее губы, по тому, как она вцепилась пальцами в дверную ручку, все было ясно.

— Яндемиров, — выдохнула она.

Ручка выпала из моих пальцев раньше, чем она договорила.

Неужели опоздали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.